

Елена
Арсеньева

РУССКАЯ КРАСАВИЦА

Т
айная
жена

Елена Арсеньева

Тайная жена

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Тайная жена / Е. А. Арсеньева — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-093959-6

Русская кузина Марина Бахметева, появившаяся вдруг в замке английского лорда Десмонда Маккола, мало кому пришлась по душе. И पुще всех сторонится ее сам хозяин. И никто не догадывается, что Марина – не кузина ему, а венчанная жена, но брак их свершился при таких странных обстоятельствах, что молодые люди его тщательно скрывают. Интриги, колдовство и роковые тайны опутывают Марину и Десмонда, события то разносят их в разные стороны, то бросают в объятия друг друга. И постепенно Марина начинает понимать: есть на земле сила, которая преодолагает все беды. Имя ей – любовь. Ранее книга выходила под названием «Страшное гадание».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093959-6

© Арсеньева Е. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава I	6
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	15
Глава V	21
Глава VI	26
Глава VII	32
Глава VIII	36
Глава IX	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена Арсеньева

Тайная жена

*Длиннее дороги лишь ветер один,
И глубже любовь всех подводных глубин!*
«Баллада о загадках»

© Арсеньева Е. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава I

Черт в зеркале

Из-под двери немилосердно несло по ногам. Баню топили с утра – теперь она почти выстыла. Одно хорошо: в такую холодину не сунется мыться всякая сила нечистая: банники, домовые, русалки, черти, призраки разные... Хотя для чего Марина здесь сидит, как не для вызывания призрака будущего жениха?! Ох, скорей бы уж он явился, пока никто не узрел слабый огонек в банном окошке, не явился посмотреть, что там, да не увидел хозяйскую племянницу сидящей перед зеркалом. Тогда плохо ей придется. Дядюшка еще задолго до Рождества грозился во всеуслышанье собственноручно выдрать всякую, кто осмелится снег полоть, воск топить, щупать бревешки в поленнице, бегать украдкой в овин – словом, выведывать судьбу.

Дядюшка, разойдясь, не знал удержу в суровости обхождения со своими дворовыми людьми. Разве удивительно, что ни одна из Марининых подруг – дворовых девушек, знавших ее с детства, – не решились разделить с барышней ее ночное бдение?

Марина вдруг спохватилась, что полночь наступит с минуты на минуту!

Она прислонила зеркало к чурбачку, придвинула ближе свечу, поставила рядом два серебряных стаканчика с вином и положила два ломтя пирога. Это было все, что удалось стащить: ключи от буфетов и шкафов с хорошей посудой тетка самолично носила на поясе. А вдруг Марине сужен царский сын? Да он просто не пожелает явиться к такой неучливой невесте!..

Ой, пора начинать! Марина поглубже вздохнула – и чуть слышно произнесла заветные слова:

– Суженый мой, ряженный, приди ко мне вечерять!

Заклинание следовало произнести трижды. В другой раз голос звучал уверенней, ну а в третий и вовсе хорошо вышло:

– Суженый мой, ряженный, приди ко мне вечерять!

Девушка уставилась в зеркало так пристально, что заслезились глаза.

А там ничего не было, кроме дрожащей свечи и ее собственного бледного лица. Она вновь забормотала, стискивая ворот полушубка:

– Суженый мой, ряженный...

Горло вдруг перехватило. Отражение свечи заметалось, и Марине почудилось, что в зеркале распахнулся некий темный проем, откуда потянуло стужей, и там замаячила какая-то фигура, а потом показалось и незнакомое лицо.

Мужское лицо!

Незнакомец не отличался ослепительной красотой со своим худым лицом, дерзкими светлыми глазами и насмешливым ртом. Однако было в его настойчивом взгляде нечто, заставившее сердце Марины затрепетать, а губы ее невнятно прошептать новое заклинание:

– Люб ты мне, суженый-ряженный, а потому выйди в мир Божий хоть на час, хоть на минуточку!

И она замерла в ожидании: сбудется? Нет?

Сбылось! Лицо в зеркале заколебалось, а потом Марина ощутила движение за спиной.

Она обернулась – так резко, что едва не слетела с лавки, да он успел схватить ее за плечи и поддержать.

С трудом вспоминая, что требовалось по обряду, Марина едва не пригласила его отве-
дать «питий медвяных да яств сахарных», но вовремя спохватилась: с той поры, как призрак выходил из зеркала, нельзя было ни слова молвить! Однако как же его пригласить к столу?.. И еще надобно улучшить миг и выкрасть какую-нибудь вещь, ему принадлежащую, которая будет

как магнитом притягивать суженого к суженой и не даст ему избежать предначертанного. Ведь с каждой минутой призрачный жених нравился Марине все больше!

Похоже, она ему тоже глянулась, потому что взор его так и горел. Они стояли, схватившись друг за друга, и рассматривали друг друга, и улыбались, а потом он заговорил...

У Марины громко застучало сердце. Конечно, он говорил на своем, призрачном языке, но она, к своему изумлению, понимала его речь! А была та речь очень для девушки приятная. Она-де, красавица неопиcуемая, с первого взгляда пришлась ему по сердцу, и как же он счастлив, что ветер странствий занес его нынче ночью на огонек одинокой свечи, столь таинственно мерцавшей во мраке!

Слова насчет ветра странствий несколько озадачили Марину. Что ли, он болтался где-то в воздухе над землей, в компании других таких же призрачных женихов, не зная, куда податься? И лишь нечаянно залетел именно на огонек Мариной свечи, а не какой-то другой? Да ну, пустое все это. Главное, что он здесь, что они пришли друг другу по нраву!

Надо стать к нему поближе – тогда, может быть, удастся вынуть из кармана его бекеша что-то на память. А если он учует недоброе, схватит Марину за руку, словно жалкую воришку? Надо отвлечь его. Но как? Его улыбающиеся губы были совсем близко, и Марина подумала, что вот хорошо бы поцеловать его, а самой сунуть руку в его карман. Однако милому ее гостю пришла та же мысль, что и ей. Мысль о поцелуе.

Марине чудилось, что она плывет в каком-то бирюзовом тумане, растворяется в нем. Туман заполнил ее голову, всякое ощущение действительности исчезло. На миг привело ее в сознание ощущение чего-то болезненно-твердого, прильнувшего к бедрам, а потом вдруг стало больно груди. Марина приоткрыла скованные сладостной истомой веки и, увидев близко-близко затуманенные, отрешенные светлые глаза, поняла, что обнялись они с ее милым суженым столь крепко, что каждый изгиб их тел совпал с изгибом другого тела. Эта близость на миг испугала Марину: ведь жар, исходивший от тела незнакомца, едва не расплавил ее, раскалил, разжег – да так, что она начала задыхаться, будто в горячке.

Пол ушел из-под ног, странная тяжесть накрыла ее; Марина изумленно поняла, что лежит... и холодок коснулся ее обнаженной груди.

Он расстегнул ей платье! И что же делают его руки? Одна ласкает грудь, а другая осмелилась коснуться потаенного местечка, коего стыдилась и сама Марина, ибо именно оно было вместилищем греха?

Увы, грех вполне овладел Мариною! Чужая жаркая плоть вторглась в ее тело, причиняя жгучую боль.

Марина сдалась ей, подчинилась, и та вдруг отступила, словно обрадованная такой безусловной покорностью. Синие волны плыли перед ней; синие звезды качались на них, колыхались синие цветы. И вдруг волны вздыбились, цветы расцвели, звезды вспыхнули!

Счастье свершилось непереносимое, и сон, похожий на беспамятство, а может быть, беспамятство, похожее на смерть, накрыло Марину своим милосердным покрывалом.

Глава II

Заморский кузен

В ту минуту, когда Олег Чердынцев впервые увидел эту Божью тварь: высокая шляпа торчком, власы до самых плеч, толстый галстук, в котором спрятана была вся нижняя часть лица, обе руки в карманах, – он едва не расхохотался до колик. Да неужто сия нелепая верста коломенская приходится ему, Олегу, кузеном?! И все из-за того, что сестрица папенькина, Елена Юрьевна, четверть века назад по уши влюбилась в какого-то заезжего милорда и была увезена им в туманный Альбион, где и произвела на свет этакое несусветное создание. Десяток лет тому назад она представилась. Сэр Джордж, супруг ее, на свете тоже не зажился. Дошел слух, что он не то помер с тоски, не то взял и пронзил себя шпагой на гробе жены. Эта романтическая история потрясла все семейство Чердынцевых, наполнив его жгучей жалостью к единственному сынку бедняжки Елены. Отец Олега, граф Чердынцев, положил себе непременно устроить встречу Олега с кузеном, а чтобы сын его не выглядел в глазах младшего лорда Маккола пентюхом, нанял ему английского учителя. Все детство Олега было омрачено попыткой различить простое прошедшее время от прошедшего совершенного. У него с Мариной Бахметевой, дочерью недавно погибших соседей, был один на двоих учитель мистер Керк; и хоть Олегу до сих пор не удавалось повидать сию девицу (опекуны держали ее в черном теле, единственно не щадя деньги на образование, что было условием завещания), он заочно терпеть ее не мог. Ведь мистер Керк все уши Олегу прожужжал о том, какие необыкновенные способности к языкам у мисс Бахметефф!

Глядя на кузена, никто бы никогда не сказал, что Десмонд Маккол не на печи бока пролеживал, а воевал! Новым лордом сделался по закону его старший брат Алистер (не родной, а сводный, от первого отцовского супружества, ибо лорд Джордж был уже вдовцом, когда посватался к прекрасной Елене), унаследовав в качестве майората семейное достояние в виде замка и прилегающих земель. А Десмонд тогда же отправился в Россию, чтобы войти в матушкино наследство. Ее приданым было нижегородское имение близ Воротынца, в чудных, привольных местах, находившееся все эти годы на попечении беззаветно любящего сестру графа Чердынцева. Однако по пути Десмонд случайно познакомился с участниками лиги «Красный цветок»¹ – и прочно забыл обо всем на свете, кроме спасения французских аристократов от кровавого революционного террора. Жизнь его протекала между Англией и Францией в беспрестанном риске и опасностях. Наконец революция победила. Его товарищи искали спасения в Швейцарии, Германии, пытались вернуться в Англию. Десмонд же ринулся в Россию, по пути постепенно избавляясь от привычки настороженно вслушиваться и оглядываться – и приобретая облик цивилизованного англичанина. Этот облик и вызывал в Олеге Чердынцеве непрестанное желание хохотать... которое со временем прошло.

Подвигами своими Десмонд ничуть не кичился, уверяя: на риск его толкало желание доказать старшему брату, что имя и честь можно не только унаследовать, но и добыть в бою, как это и велось в достопамятные времена рыцарства. Оказалось, этот молодой, состоятельный, красивый, довольно образованный человек – необузданный удалец. Скоро все петербургские приятели Олега были в восторге от Десмонда. С изумлением Олег обнаружил также, что кузен его настоящий сердцеед – остроумный, беззаботный, дерзкий. Этот высоченный блондин с насмешливыми голубыми глазами обладал таким обаянием, перед которым не могла устоять ни одна женщина. При этом он был человек со светлым умом и чистым сердцем, а оттого

---

¹ Союз английских искателей приключений, спасавших от гильотины обреченных французских аристократов и перевозивших их в Англию в конце XVIII в.

за ним не числилось ни одного публичного скандала или дуэли с обиженным мужем. Говоря короче, спустя чуть больше месяца после первой встречи Олегу уже казалось, что кузен его, в общем-то, недурной парень! Однако едва Десмонд вошел во вкус петербургской жизни, как был вызван в английское посольство, где узнал ошеломляющую новость: он теперь лорд Маккол, ибо старший брат его Алистер месяц тому назад погиб при самых загадочных обстоятельствах. Коронер² настаивал, что убийство совершил браконьер, схваченный сэром Алистером на месте преступления и скрывшийся. Предполагаемого убийцу искали, но поскольку никто не знал, кого, собственно говоря, искать, все усилия сами собой сошли на нет. Сэр Алистер не успел жениться и родить детей, а значит, единственным и бесспорным наследником являлся его младший брат Десмонд...

Надо было возвращаться в Англию, но Десмонд выразил пожелание все-таки осмотреть свое нижегородское имение и получить все бумаги на него: ведь неизвестно, когда он снова прибудет в Россию, так что формальности следовало исполнить незамедлительно.

В Воротынец Десмонда сопровождал Олег; он же помогал исполнить всяческие формальности, отыскать дельного управляющего. Дела затянулись... Сперва Десмонд намеревался воротиться в Петербург по первопутку, чтобы добраться до Англии к Рождеству, затем стал чаять успеть к Рождеству хотя бы в Петербург! Однако похоже было, что придется им провести рождественскую ночь в пути.

Самое обидное, что дом был в каких-нибудь трех верстах, когда сани вдруг стали.

Олег потер ладонью запотевшее оконце: в возке были настоящие стекла, даже не слюдяные вставочки! Вихри неслись над землей, взмывали к взбаламученным небесам, и чудились в них некие непредставимые существа с разметающимися белыми волосами, неимоверно длинными руками, белые лица, огромные хохочущие рты... Он быстро перекрестился.

– Ну и ночь! – пробормотал, зябко поеживаясь. – Истинно праздник для нечисти. Уда-
лая ночь, разбойничья! Сейчас бы к девкам на посиделки нагряться, не то – в баньку.

– О, the bagnio! – услышав знакомое слово, оживился Десмонд.

Олег хихикнул. Кое-каких русских словечек этот англичанин, оказавшийся весьма смышленным, поднабрался, но баню упорно называл the bagnio, что по-английски, как известно, значит – веселый дом, и как Олег ни сдерживался, он не смог не засмеяться.

– А ведь и верно! – воскликнул он. – Веселый дом! В ночь на Рождество прибежит девка в пустую баньку, станет спиной к печке, юбку задерет и молвит: «Батюшко-банник, открой мне, за кем мне в замужестве быть, за бедным аль за богатым?»

– Юбку задирают? – прокудахтал Десмонд, едва сдерживая смех. – И что потом?

– Потом банник, стало быть, должен девку по заднице погладить. Ежели теплой лапой погладит, будет у нее муж добрый, ежели холодной – злой. Мохнатая лапа – быть девке за богатым, голая – за бедным. Вот такое гаданье! Я сам как-то при чем-то подобном присутствовал...

– Ну, ну и что?! – в нетерпении воскликнул Десмонд, чуя по улыбке Олега, что в сей вечер стряслось нечто особенное.

Молодой Чердынцев не заставил себя долго упрашивать:

– Там девка была одна, Аксютка, ну, хороша, будто яблочко наливное. Титьки – во! – Он очертил два фантастических полушария, потом, заметив, что Десмонд в сомнении поджал губы, слегка приблизил окружности к реальности: – Ну, вот такие, не меньше! Задница – тоже будь здоров. Идет – аж вся колышется. Ну, я и говорю Костюньке, лакею нашему: мол, я сейчас отлучусь, а ты Аксютку подговори в баньку пойти, тоже на суженого погадать, а то, мол, и не заметишь, как в девках засидишься! Да когда она в баньку пойдет, говорю, постереги, чтоб никто туда более не совался. Костюнька мигнул мне: все, дескать, слажено будет! Я вышел

---

² Судья (англ.).

тихонько – да к баньке. Зашел, затаился возле печки. Кругом тьма египетская, только луна сквозь окошечко подсвечивает. И вдруг – чу! – снег хрустит под торопливыми шажками. Бежит со всех ног! Вскочила в баньку, повернулась к печке спиной и юбки – р-раз! – на спину себе забросила. Задница у нее – ну, сугроба белее! Как поглядел я на это богатство – у меня едва штаны не прорвались. А она из-под юбок своих бормочет: «Покажи, мол, банник-батюшко, каков будет мой суженый?» Я руку-то нарочно за пазухой держал, она не то что теплая – горячая была. Погладил я Аксютку – она аж взвизгнула, но ничего, наутек не кинулась, только на лавку локтями оперлась, чтоб стоять удобнее, ноги расставила да и говорит: «А покажи мне, батюшко-банник, каково-то будет мне с мужем жить, сладко ай нет?»

Я как наддал – Аксютка аж с лавки свалилась, но я своего не упустил! Прыткая оказалась – жаль, что не девка уж была. Хотя и печалился я, что распечатанною она мне досталась, а потом понял, что нет худа без добра: кой-чему ее успели научить прежние ухажеры, да лихо научить! Я ее сперва в дом взял, а когда намиловались вволю и Аксютка зачреватела, выдал ее за Костюньку. Теперь оба в Петербурге, в доме нашем, надзирают за хозяйством, сынок у них растет...

Они хохотали от души, но обоими владели другие мысли. Ехать надо!

– Да чего ж это мы не едем? – нетерпеливо вымолвил Десмонд. – Не случилось ли чего? Надо бы поглядеть. – И он двинулся к полости, закрывавшей вход.

– Эй, там метель! Шубу накинь! – прикрикнул многоопытный русский.

Англичанин сгреб в охапку тяжелую медвежью шубу и вывалился наружу, в белое снежное круженье.

Следом выбрался Олег.

Возок стоял на обрывистом берегу Басурманки – так звалась неширокая, но гульливая речушка с таким быстрым течением, что его не могли остановить даже морозы. Басурманка бежала в высоких берегах, и покосившийся мосток обледел до того, что сделался горбом, повести на который тройку с осадистым возком мог только сумасшедший.

Кучер Клим остерегал: ехать нельзя! Граф настаивал: ничего, обойдется! Спорили они долго, и в конце концов благоразумие восторжествовало.

– Ну? – спросил Олег уныло. – В объезд, что ли?

– В объезд, – столь же уныло согласился кучер.

Барин полез в возок; Клим взгромоздился на облучок, собрал вожжи, присвистнул, ободряя измученных лошадушек... Вдруг барин окликнул:

– Погоди, Клим. А где же мой кузен?

Клим досадливо сдвинул шапку на затылок. Мало того, что у этого иноземца целых четыре имени: Кузен, Милорд, Сэр и Десмонд, так он еще и запропастился куда-то.

– Отошел небось по нужде, – буркнул Клим, безнадежным взором пытаясь проникать окрестности.

Куда там! Белая мгла вокруг – и ничего больше: ни земли, ни неба, ни чужеземца с четырьмя именами.

Пропал иноземец! Как есть пропал!

Глава III

Английский рыцарь Ланселот

Какое-то время Десмонд стоял на берегу, слушая возбужденные переговоры Олега с кучером и поражаясь тугодумству этих русских. О чем вообще размышлять, о чем спорить? Если нельзя перейти по одному мосту, следует незамедлительно искать другой!

Десмонд бродил по берегу, пристально всматриваясь в белую мглу, и вдруг различил сквозь нее очертания какого-то строения. Наверняка его обитатели отменно знают окрестности!

Он оглянулся, чтобы указать Олегу на этот неведомый дом, да так и ахнул: ни кузена, ни кучера, ни возка с тройкою рядом уже не было! Словно снеговые черти их унесли, прихватив заодно и речку с оледенелым непроезжим мостиком...

Холодный, рационалистический английским ум мигом смекнул: произошло нечто подобное тому, что бывает с человеком, который идет по лесу, а возвращается на то же самое место. Десмонд же точно знал: человек делает шаг правой ногой больше, чем левой. Бродя по берегу, Десмонд незаметно для себя отступал от него – вот и отошел достаточно далеко, чтобы потерять из виду возок, коней и людей. Однако времени прошло всего ничего, они где-то рядом, просто и в трех шагах ничего не видно.

И если крикнуть погромче, Олег тотчас отзовется... но что проку кричать? Нет, лучше Десмонд сначала узнает про объезд и другой мост, а потом вернется. Он огромным прыжком преодолел сугроб и замер: черное строение, очертания которого отчетливо выступали из белой тьмы, оказалось не избой, а каким-то сараем без окон, без дверей!

Десмонд так и плюнул с досады. Но тотчас увидел приотворенную дверь, откуда слабо тянуло теплом и светом. Ага, значит, здесь все-таки есть люди! Десмонд вскочил на крыльцо, шагнул через порог – и вновь досада им овладела: когда глаза чуть привыкли к темноте, он обнаружил, что попал в баню.

Что-то слабо мерцало перед ним, и прошло некоторое время, прежде чем Десмонд сообразил: это свеча, которая слабо озаряет лицо девушки, сидящей к нему спиной и глядящей в зеркало.

Ничего себе! Эта девица среди ночи пришла в баню полюбоваться на свою красоту?! Но тотчас Десмонд легонько стукнул себя по лбу: да ничего тут нет необыкновенного! Эта девица тоже пришла погадать в баньку, как та, о которой рассказывал Олег: вон, слышно шепчет, испуганно глядя в зеркало, спрашивает о чем-то, зовет...

Вдруг вспомнилось, как незамужняя тетушка его Урсула выпрашивала мать Десмонда, леди Елену, про русские магические обряды. Десмонд, хоть и был тогда еще мал, запомнил сей разговор потому, что он был похож на сказку: матушка таинственным шепотом рассказывала, как положила в Рождественскую ночь перстенок под подушку, а во сне явился ей высокий господин в синем камзоле с серебристой отделкою, который надел сей перстенок ей на палец. Самое удивительное, что встреча Елены с ее будущим мужем именно так и содеялась: она на каком-то гулянье обронила перстенок и долго его искала, а незнакомец в синем с серебром камзоле его нашел и вернул огорченной владелице. С первого взгляда Елена и сэра Джордж влюбились друг в друга, так что сон оказался вещим. Десмонд помнил также, что матушка рассказывала и про другие гадания, в числе коих упоминалось и зеркальное; правда, леди Елена признавалась, что у нее никогда не хватало храбрости встретить Рождественскую полночь перед тем зеркалом.

– А вот я бы не побоялась, если бы могла хоть что-то узнать о Брайане! – грустно шепнула тетушка Урсула. Все в семье знали, что тетушка Урсула на все готова, лишь бы получить известие о своем женихе, исчезнувшем бесследно в день свадьбы, уже после венчания.

История была преувеличенная: веселые гости, наскучив сидеть за столами, затеяли играть в прятки в огромном доме. Нашли всех, кроме юного сэра Брайана. Урсула, осознав, что лишилась своего жениха, так и не ставшего ей мужем, едва не умерла с горя, но выздоровела, хотя и тронулась умом. Она сделалась угрюма, нелюдима, все ходила, ходила по замку, заглядывала во все закоулки, словно надеясь отыскать исчезнувшего... И шептались, и даже вслух говорили, что сэр Брайан попросту сбежал от невесты, а вся любовь, которую он к ней выказывал, была притворною, однако Урсула в сие не верила и продолжала надеяться на встречу с Брайаном. Можно было не сомневаться, что она в ближайшее же Рождество принялась высматривать его в зеркале, – как сейчас высматривает своего жениха эта неведомая Десмонду красавица, чей настойчивый шепот он ощущал не только слухом, но и всем телом. У него невольно смутился дух, и, не совладав с чувствами, которые вдруг вспыхнули и овладели им всецело, Десмонд осторожно толкнул дверь и бесшумно шагнул вперед.

...Когда, некоторое время спустя, он вновь стоял на этом пороге, ноги у него подгибались и слегка кружилась голова. Все существо его трепетало и улыбалось блаженно. Среди сонма восхищенных мыслей, обращенных к той, что все еще лежала недвижима на лавке, была одна, почти испугавшая Десмонда. Он подумал, что хорошо бы никогда не расставаться с этой нежной красавицей, впервые познавшей любовь в его объятиях. Как это ни странно, ему еще ни разу не доводилось обладать невинной девушкой, и даже когда Агнесс, например, заводила свою надоевшую песнь о том, что милорд похитил ее девство, разрушил жизнь, а потому должен подарить ей еще ленту, еще туфли, еще чулочки, или прочую чепуху, Десмонд не больно-то верил. Конечно, он не мог знать наверняка, потому что однажды проснулся в постели Агнесс после чудовищной попойки, когда голова просто начетверо раскалывалась с похмелья, и все же что-то подсказывало ему, что Агнесс лжет. Да и бог с ней, подумаешь, девственница или нет, какая разница! Так думал он прежде, не понимая этой мужской охоты за невинностью, этой гордости причиненной болью, нанесенными разрушениями и пролитой кровью. Теперь он понял, потому что ощутил это сам: в каждом мужчине уживаются разрушитель и творец, и уничтожая невинную, испуганную деву, он при этом создает новое существо – дерзкое, обольстительное, неотразимое; может быть, творит его себе на грядущую погибель, однако осознание своей почти божественной всевластности слишком пьянит, тут уж недосуг заботиться о будущем!

Десмонд вздрогнул. До него донеслись тяжелые шаги совсем рядом. Кто-то вошел в предбанник!

Олег?.. Ринулся на поиски кузена? Десмонду нестерпимо стыдно сделалось при мысли, что Олег увидит его стоящим над этой бесчувственной девушкой. Он резким движением набросил на нее свою тяжелую шубу, прикрывая от нескромного взора, а сам отпрянул за дверь, в густую, непроглядную тень – и вовремя: чья-то рука уже взялась за щеколду.

Дверь открывалась внутрь, и пришедший толкнул ее так сильно, что Десмонда едва не пришибло. Он отпрянул, вжался в стену, отчаянно молясь, чтобы Олег ушел так же, как и пришел, убедившись, что кузена здесь нет, и посовестясь беспокоить спящую. Надежда, впрочем, погасла, едва вспыхнув, когда пришелец ступил вперед и затворил за собой дверь.

Он загородил светящийся огарочек, но постепенно глаза Десмонда привыкали к темноте и он различал очертания кряжистой, широкоплечей, длиннорукой мужской фигуры в тулупе и меховом треухе.

Сердце стукнуло тревожно: это не Олег, сомнений нет. И не кучер Клим. Это совсем незнакомый человек!

Его догадку подтвердил тяжелый голос – никогда не слышал Десмонд такого грубого, скрежещущего голоса!

– Мать честная! – пробормотал пришедший.

Десмонд непонимающе вскинул брови: только полный, безнадёжный кретин мог принять эту молодую красавицу за свою мать! Впрочем, очевидно, пришедший ошибся в темноте. Вот он шагнул к лавке, наклонился, потянул за тяжелый воротник, скрывший лицо девушки до самых глаз... и Десмонд ощутил всем существом своим, как вздрогнул этот неожиданный гость, потому что шуба скользнула на пол, открыв нескромному взору полунагое бесчувственное тело.

Ноги у Десмонда подкосились. Ох, что же сделал, что сделал он с этой девушкой, так нежно и доверчиво улыбавшейся ему?! На какой позор обрек ее! Да разве можно надеяться, что этот человек смолчит и не растрезвонит всей округе о том, что увидел выюжной рождественской ночью?

Незнакомец надсадно втянул в себя воздух, громко причмокнул, а в следующий миг глыба его тела как-то нелепо зашевелилась, и Десмонд не сразу понял, что пришедший сбрасывает с себя тулуп. Мелькнула было глупая надежда, что он тоже решил прикрыть лежащую, чтоб не замерзла, но мужик начал враскоряку взгромождаться верхом на лавку, накрывая своей громадой бесчувственное тело. Раздался пронзительный крик очнувшейся девушки. Не глядя, Десмонд схватил что-то, оказавшееся под рукой, замахнулся, с силою послал этот предмет вперед...

В это мгновение девушка с такою силою ударила коленом навалившегося на нее насильника, что тот отпрянул – и голова его с грохотом врезалась в летящее оружие Десмонда, коим оказалась деревянная шайка.

Что-то разлетелось на куски. Через мгновение Десмонд понял: это, к сожалению, не голова разбойника, а шайка.

Мужик покачнулся, а потом медленно, будто нехотя, сполз с лавки и простерся на полу. Девушка, приподнявшись и прижав колени к подбородку, мгновение глядела на него огромными, остановившимися, почерневшими от ужаса глазами, а потом вдруг обессиленно рухнула навзничь, и Десмонд понял, что она вновь лишилась чувств.

Десмонд осторожно шагнул вперед, отлепил от стола огарочек и склонился над недвижимым телом. И отпрянул: вытаращенные неподвижные глаза глянули на него, рот ощерился в застывшей ухмылке.

У Десмонда невольно смутился дух от страшного подозрения. Схватил лежащего за грудки, тряхнул... у него запрокинулась голова, свалилась наконец-то шапка... и Десмонд с ужасом понял, что насильник мертв.

Он не помнил, как очутился на дворе, но студёные объятия метели вернули ему утраченное соображение. Схватился за голову. Ох, бурная выдалась нынче рождественская ночь! Обесчещенная женщина, убитый мужчина... Надо поскорее отыскать Олега, возок, быстрых коней, которые унесут его прочь отсюда. Десмонду случалось убивать: то чистое и святое ремесло, которым занимался он во Франции, приходилось делать грязными и окровавленными руками; но одно дело – убить озверевшего врага, и совсем другое – случайного человека, даже не понявшего, откуда обрушилась на него смерть.

Правда, он защищал девушку... честь прекрасной дамы, если так можно выразиться. Тоже мне, странствующий рыцарь, защитник угнетенных! Сэр Персиваль! Сэр Ланселот!³ Десмонд даже сморщился от отвращения к себе. Нет, скорее прочь отсюда! Но куда идти? И он ахнул, увидев огненный промельк за белой завесой метели. Нелепая мысль, что это все демоны

---

³ Персонажи легенд о короле Артуре, рыцари «Круглого стола» – воплощения благородства и чести.

преисподней несутся в адских вихрях за его грешною душою, пришла, конечно, но тут же была унесена порывом ветра. Да никакие это не адские вихри мнутся – это искры летят, гонимые порывом ветра! Искры из печной трубы!

Сердце Десмонда радостно забилося: это Олег догадался растопить сильный огонь в печи, обогревающей возок, – такой сильный, чтобы искры летели из трубы! Опыненный радостью Десмонд ринулся на этот маяк. Он не пробежал и двадцати шагов, как с двух сторон вцепились в него чьи-то руки, и два голоса, один, по-мальчишески счастливый, – Олега, другой, надтреснутый от страха, – кучера, завопили дружно:

– Нашелся! Живой! Слава тебе, Господи!

Глава IV

Что посеешь, то и пожнешь

– Я говорю вам, сэр, что человек, подобный вам, никогда не ступит на палубу моего корабля!

– А я говорю вам, сэр, что я уплатил за сие путешествие преизрядные деньги, и вы не вправе лишить меня моей каюты!

– Деньги! Пфуй! Ваши деньги!.. Вы, мистер рабовладелец, можете в одну минуту получить их назад, дайте только мне время сходить за ними в каюту! – И капитан сделал движение повернуться и отправиться прочь – очевидно, туда, где на береговом рейде виднелось небольшое судно.

– Послушайте, сэр! – воззвал Десмонд в отчаянии. – Вы не можете так поступить со мной? Ну что я такого совершил?! Я был в стране, где законы совсем иные, чем у нас, – и я принужден был жить по ее законам. Вы были когда-нибудь в России?

Капитан всем своим молодым, гладко выбритым лицом показал, что сама мысль о такой возможности приводит его в содрогание.

– Тогда как же вы можете судить? Это дикая азиатская страна, совершенный восток, где варварские обычаи. Например, русское гостеприимство! Ежели хозяин угостит тебя вином и ты не пьешь до дна, тебя могут вызвать на дуэль, ибо это сочтут за оскорбление. Ежели за обедом оставляешь какое-нибудь блюдо нетронутым, хозяин вызывает повара и на твоих глазах рубит ему голову: по его мнению, гость оскорблен дурным качеством пищи!

В светлых глазах капитана появилось мечтательное выражение. Он оглянулся на корабль и пробормотал:

– Сей обычай я полагаю вполне разумным и совсем не прочь ввести его в обиход!

Десмонд деликатно сдержал улыбку и поспешил закрепить завоеванные позиции, на шаг придвинувшись к берегу. Однако маневры его были тотчас пресечены капитаном, который вскричал:

– Шутки шутками, но все это – жестокое варварство, порожденное рабством. Повторяю – я не имею дела с работоторговцами!

Дело, кажется, безнадежно зашло в тупик. Неужто придется возвращаться в трактир, снова снимать комнаты для ночлега, снова терпеть эту двусмысленность, вдобавок каждую минуту ожидая окрика за спиной:

– Мсье Рене (или Этьен, Оливье, Дени)? Неужели это вы? Mon Dieu, какая неожиданная удача!

Под этими именами Десмонд жил во Франции. И он отнюдь не обольщался расхожим мнением о том, что французы легкомысленны и созданы лишь для романов и романсов. Можно было не сомневаться: повстречай он кого-то из тех, кому успел крепко насолить, уводя у них из-под носа жертвы, у французов хватит ума не выпустить его – и отправить в Париж, где гильотина по нему плачет уже более года. Нет, надо немедленно убираться из порта Кале! Здесь его жизнь в непрестанной опасности. Сказать, что ли, об этом капитану? Нет, принципы тому дороже всего на свете! Стоп... а нельзя ли сыграть на этих принципах?

Капитан, тем временем наскучив их беседою, сделал движение к шлюпке, куда уже погрузились остальные пассажиры и теперь выражали явное нетерпение.

– Вы бесчеловечны, сударь! – сказал Десмонд уныло и тихо, позаботясь, впрочем, чтобы капитан мог его услышать. – Вы бесчеловечны не только по отношению ко мне, но прежде всего к этой несчастной, положением которой вы так возмущены. А ведь я показывал вам ее бумаги, показывал дарственную. Дарственную! Это подарок мне от одного моего русского

друга, понятно вам? Русские говорят: «Дареному коню в зубы не смотрят!» Вообразите, что сделал бы этот баснословно богатый дикарь, вздумай я сказать, что в Англии рабство презираемо и ненавидимо всеми порядочными людьми? Он и не понял бы ничего, кроме того, что девушка мне не нравится. Ладно, мне плевать, что после этого он стал бы моим вековым врагом. В конце концов, я не собираюсь возвращаться в Россию. Но участь девушки... – Десмонд изо всех сил ужаснулся, мысленно извиняясь перед кузеном, который в некоторой степени являлся прообразом описываемого им варвара... во всяком случае, именно Олег писал дарственную на внезапно обретенную Десмондом собственность. – Самое милосердное, что мог сделать русский, это отрубить ей тут же голову. Но скорее всего, ее затравили бы собаками, заставив меня смотреть на это. Поверьте, сударь, – добавил Десмонд сухо, – я тоже человек принципиальный, однако играть жизнью безвинной рабыни... уж простите, не могу!

Капитан был еще молод и не умел вполне владеть своей мимикой. Сейчас на лице его изображались жалость, ужас и растерянность одновременно, так что Десмонду захотелось утешить беднягу и признаться во лжи.

Впрочем, не все здесь было ложью! Ведь истинная правда, что ему пришлось спасти жизнь этой несчастной. И одному Богу ведомо, чувствует он себя героем и благодетелем – или преступником и злодеем.

Тем временем лицо капитана просветлело. Очевидно, последний довод Десмонда оказался решающим.

– Бог вам судья, сэр, – проговорил капитан в свойственной ему возвышенной тональности. – Если речь шла о спасении жизни этой несчастной дикарки... то прошу поскорее в шлюпку, – закончил он торопливо, ибо дружный вопль возмущенных долгим ожиданием пассажиров: «Капитан Вильямс!!!» – вернул его мысли с горних высей человеколюбия к повседневным хлопотам.

Он зашагал к морю, увязая в песке. Десмонд неуклюже последовал за ним, даже не оглянувшись посмотреть, следует ли за ним его злополучное имущество.

Разумеется, следует! Куда ж ей еще деваться? Вот так же и ему от нее деваться некуда...

Там, на берегу незамерзающей, быстротекущей Басурманки, зоркий глаз Олега сразу приметил что-то неладное, а потому, после первых объятий, перемежавшихся с крепкими проклятиями, он с тревогой спросил:

– Что с тобой? Где был ты и что делал? Вид у тебя такой, словно ты совершил страшное дело!

Торопливо Десмонд выложил все, что с ним случилось нынче ночью, – и ощутил некое облегчение, словно часть своей ноши переложил на другого.

Против ожидания, Олег не ужаснулся, а только удивился. Такое же изумление, как в зеркале, отразилось на лице Клина, исподтишка поглядывающего на господ.

– Суров твой нрав и на расправу прыток! – пробормотал Олег, недоверчиво разглядывая своего родственника. – И что же теперь делать будем?

– Я обронил там тулуп, – пробормотал Десмонд. – Ежели полиция примется искать...

– И-эх, милый! – похлопал его по плечу Олег. – Ты что, забыл, где находишься? Ну какая тут, в России, полиция?! К тому же убитый явно крепостной человек, хозяин над ним в полном праве.

– А если проговорится где-то твой кучер, что я заблудился где-то в этих местах в то время, когда приключилось убийство? И кто-нибудь свяжет концы с концами?

– Вся беда в том, что Англия – страна свободная, – ласково, будто несмышленому ребенку, сказал Олег. – А ты, повторяю, в России! Ну кто здесь людей слушает?! Он может даже побожиться, что видел, как ты пристукнул нечестивца, но против его слова будет мое – слово дворянина! – а оно вдесятеро стоит. Я ведь обо всем только от тебя наслышан, но знай:

если я увижу своими глазами, что мой брат дворянин зарезал смерда, я и тут пойду под присягу, что ничего об том не ведаю!

В словах Олега был такой жар, что Десмонд понял: бояться ему нечего, кузен его в обиду не даст. Можно было уезжать. Олег, ободряюще похлопав его по плечу, двинулся к возку. Десмонд поплелся за ним, то и дело оглядываясь. Вдруг представилось, как она очнется... что увидит? Кошмар! Наверное, решит, что Десмонд ей привиделся, а тот, кто валяется рядом – взял ее силою. А в отместку она его...

От этой мысли ноги у Десмонда вконец заплелись!

– Ну, что стал? – оглянулся Олег. Всмотрелся пронизательными глазами, усмехнулся: – Что, девку жалко? Понимаю... Ну, грехом с нею спознался, грехом и расстался. А без греха такому делу не быть!

– Она ведь подумает, что сама того негодяя прикончила, – убитым голосом сказал Десмонд.

– Ничего, он получил за дело, – бодрясь отозвался Олег. – Надо надеяться, очнется девка скоро и у нее хватит ума убежать да язык за зубами держать, что бы она там ни подумала. Небось, спишут на какого-нибудь лихого человека. Мало ли их по лесам здешним бродит! Скажи, Клим!.. – обернулся он к кучеру. – Не сообразишь, мы на чьих землях сейчас?

Клим напряженно растянул губы в улыбке, и Олег расхохотался, сообразив, что, забывшись, продолжал говорить по-английски. Повторил вопрос – и Десмонд увидел, как вдруг помрачнело лицо его неунывающего кузена.

– Что такое? Ну, что он тебе сказал? – встревожился Десмонд

– Ничего особенного. Просто это бахметевские земли, а я Бахметевых на дух не переношу.

– За что ты их не переносишь?

– Ну, сам граф Бахметев, покойный, был человек отменных качеств, о нем никто никогда слова недоброго не сказал. Но сейчас здесь всем заправляет его младший брат, а он был в семье паршивой овцой. Имение-то наследовала дочь Бахметева, но во владение только через год вступит. Так знаешь, что говорят по соседству? Мол, не доживет Марина Дмитриевна до сего возраста: непременно ее дядюшка изведет, чтобы самому заграбастать наследство. Всем известно, в каком черном теле он племянницу держит. Девка на выданье, однако же последние три года ее на балах или где-то в гостях не видели. Сам барин тоже у себя никого не принимает. Зато слухи идут по губернии о его бесчинствах над крепостными. С мужской прислугой зверски жесток, женщин и девушек он да любимчик его, палач домашний, Герасим, берет насилком...

– Герасим? – задумчиво повторил Десмонд. – А не знает ли Клим, каков собою этот любимец барский? Кряжистый очень, широкоплечий, руки чуть не до земли висят, черная борода и маленькая голова? Не таков ли? Ну-ка, расспроси его.

Олег послушался – и через несколько слов всплеснул руками:

– Ну истинный портрет! Именно таков и есть Герасим, как ты описал.

– Но ведь его я и убил... – медленно проговорил Десмонд и понурился, словно нестерпимая ноша вдруг пригнула его к земле.

– Да не тревожься ты так, – тихо сказал Олег, заглядывая кузену в лицо и читая по нему, как по раскрытой книге. – Может быть, она успеет очнуться и убежать, прежде чем их с Герасимом обнаружат.

– А что проку? – в отчаянии воскликнул Десмонд. – Ты не знаешь женщин? Которая из них сможет держать язык за зубами? Она непременно проболтается какой-нибудь подружке, та – другой подружке... и все, конец бедняжке! Если все так, как ты говоришь, господин не простит ей убийства верного слуги. Ей же смерть грозит!

– Ну, знаешь! – Олег пожал плечами. – Эка ты напридумывал страстей! Еще неизвестно, будет сие или нет. Главное, чтоб очнулась девка вовремя, а уж там, чай, сообразит язык прикусить.

Десмонд нервно схватил ком снега, растер по лицу. Снег мигом обратился в воду, и Десмонд ощутил, что лоб его горит. Да и сердце горело, ныло от непонятной тревоги. В самом деле – не зря Олег глядит с таким недоумением. Ну что ему в той незнакомке? Губы у нее были сладкими, как вишни, – это да. Ну и что?

– В обмороке она! – вскричал Десмонд, обращая на Олега столь сердитый взгляд, словно тот был виновен в случившемся. – В обмороке глубоком. Я видел такое, знаю – это сродни летаргусу, шок. Сутки пребывать в нем можно, а то и больше. Ее этот злодей напугал до смерти! Нет, найдут их рядом, найдут – и ее обвинят в убийстве... Эх, если бы ее увезти, спрятать где-то! – Он с мольбой сжал руку Олега. – Позволь забрать ее, спрятать в Чердынцеве. Я в долгу не останусь.

Лицо Олега вспыхнуло было оживлением, да тут же и погасло:

– Пустое говоришь. Для тебя, по-родственному да по дружбе, я и не на такое бы решился, но... это ведь только кажется, что в мире нет ничего более, кроме этого мостка, – он потыкал рукой в снежные стены, подступившие со всех сторон. – А развеется – и станет видно, что здесь до Чердынцева рукой подать. Ну куда беглой деваться? Только к нам. Не в землю же ее схоронить – непременно кто-то увидит да проболтается. Бывало уже, прятались бахметевские, битые да мученые, на наших землях! Ничего с того не вышло, кроме свар да штрафов нам, хоть мы с отцом тут ни сном ни духом. Бедняг хватили, да в колодки, на дыбу, под кнут...

Судорога прошла по лицу Десмонда, и Олег подивился чувствительности, вдруг проснувшейся в этом прежде надменном и сдержанном кузене. Эх его разбирает! Или и впрямь девка хороша, словно Елена Троянская? Жаль, конечно, что выходит такая нескладеха... Худо, когда помочь хочется, да нечем.

– И в петербургском доме ее не скроешь, – добавил он печально. – Тут уж непременно придется объясняться с батюшкой, а он в такую ярость придет: мол, соседское добро украли! – что держись, кабы меня не высек!

– Но человеколюбие!.. – взвился было Десмонд – да и сник: не много в нем пребывало человеколюбия, когда одним ударом пришиб того мужика! И ведь бедняга повинен был лишь в том, что не совладал с похотью. А он-то сам – совладал? Мужик даже не успел свои нечистые помыслы осуществить, а Десмонд? Успел, еще как успел!

– Беглые у нас как делают? – размышлял меж тем Олег. – На Дон, в Малороссию, на Урал скрываются, там просторы вольные – ищи-свищи! Но не везти же ее на Урал?

– Нет конечно, – твердо сказал Десмонд. – Не на Урал, а... в Англию я ее увезу. Тебя же прошу лишь об одном: отцу ничего не сказывай, но помоги выправить нужные бумаги.

В Чердынцеве они остановились ровно настолько, сколько требовалось времени, чтобы сменить лошадей да положить припас на дорогу, – и снова пустились в путь к Петербургу. На облучке с новой силою взмахивал кнутом Клим. Рот у него был так стиснут, словно зашит накрепко: ведь за молчание барин обещал отдать ему в жены Глашу, дочь чердынского старосты Лукьяна, по которой Клим давно и безнадежно сох. Девка тоже была бы не прочь, да родителям Клим не глянулся. Ничего, теперь глянется, ежели сам граф молодой сватом придет!

Всю дорогу девушка была недвижима. Десмонд иногда вглядывался в ее лицо, украдкой касался губами виска, губ – якобы проверить, бьется ли пульс, ощутить ее дыхание. Он даже себе почему-то стыдился признаться, что не в силах подавить желания прикоснуться к ней беспрестанно.

Олег поглядывал на него враз с тревогою, насмешкой и изумлением. В девичьем бледном лице, мельком увиденном, он не нашел ничего особенного, способного в одночасье свести

мужчину с ума и заставить его пойти на преступление. С другой стороны, сказал же великий женолюб Франциск I: мол, жизнь без женщины – как год без весны или весна без розы! Очевидно, Десмонду вдруг среди зимы захотелось весны – что ж, его воля. Опять же – не зря говорится, что вдвоем в дороге веселее. Но чуял, чуял Олег, что наплачется еще его кузен с этим своим неожиданным приобретением, ох, наплачется! Небось она тихая, пока в беспамятстве лежит. А потом... Ну, это уж Десмондова доука. А сам Олег сделал все, что от него зависело: дарственную написал, небогатый багаж кузена таясь из дому вынес...

Оставалось только пожелать счастливого пути этому светлоглазому авантюристу и его безмолвной, беспамятной жертве.

«Что ж с нею, бедной, станется, когда она вдруг очнется да увидит себя невесть где и с кем? Тут и ума решится недолго!» – с внезапно проснувшейся жалостью подумал Олег – и от всей души пожелал бедняжке подольше не приходить в сознание.

Ему было невдомек, что пожелание его исполнится, и чуть ли не весь путь по пустынно-прибалтийскому краю, где даже деревеньки из двух-трех дворов редки и не прерывается густой сосновый лес, окружающий мрачную дорогу, Десмонд проделает, держа в объятиях по-прежнему бесчувственное создание.

Прибыли в Вильно. У Десмонда было заемное письмо к одному из здешних немецких торговых людей, и он отправился за деньгами, скрепя сердце оставив девушку на постоялом дворе под приглядкою Клима и обещая вскорости вернуться.

На обратном пути он заглянул в лавку, где продавалось женское платье, и стал там в растерянности. Девушка так и оставалась в одной рубашке, надо было ее хоть как-то одеть, однако все, что он видел в лавке, казалось ему либо слишком вульгарным, либо мрачно-старушечьим. Наконец выбрал русский сарафан да рубаху из белого тонкого льна. Может быть, когда-нибудь, уже в Лондоне, он и купит девушке приличное платье... вроде того красного, которое дарил некогда Агнесс. Ох, и разозлился тогда Алистер за то, что брат выставил напоказ свою связь с горничной! Но теперь Алистера нет, Агнесс, возможно, уже замужем за каким-нибудь лакеем или конюхом... Впрочем, как говорят опять же русские, свято место не бывает пусто! Десмонд везет себе новую любовницу – и это опять простолюдинка! Вот хохотали бы те, кто охотился во Франции за неуловимым спасителем аристократов, когда б узнали, сколь низменны его эротические пристрастия!

Черт подери! Да неужто он, лорд Маккол, и впрямь привезет в Англию беспамятное русское существо? Честь честью, конечно, однако не лучше ли избавиться от спутницы, пристроив ее здесь под чей-нибудь заботливый пригляд, – и налегке двинуться дальше? Но стоило только представить себе, как она очнется: совсем одна среди чужих, среди этих бесчувственных, равнодушных людей... и некому будет утешить, рассказать, что случилось, пообещать, что не надо бояться, все будет хорошо... Он топнул яростно, едва не свернув каблук, и зашагал еще быстрее, злясь на себя безумно.

Жалость! Черт!.. Честь! Дьявол!.. Сердце – ну и все такое! А ведь он даже имени ее не знает!

Очевидно, что его возмущение – насчет имени – оказалось последней каплей в чаше долготерпения небес, которые с безразличием взирали прежде на разыгрываемую перед ними драму Десмондовой жизни. Во всяком случае, едва переступив порог комнат, которые занимал на постоялом дворе, он увидел оживленного Клима, воскликнувшего:

– Ну вот и барин пришел! Ну, Марина, кланяйся поскорее барину в ножки, он ведь хозяин тебе и заступник!

Вслед за тем Клим выволок из угла какое-то бледное, упирающееся существо, которое покорно рухнуло на колени, ударившись склоненной головою в грязный от растаявшего снега Десмондов башмак.

– Очнулась, слава те, Господи, – сообщил возбужденный Клим.

Как будто Десмонд и сам этого не видел!

Глава V

Уроки жизни

Ужасно было жить, ничего о себе не зная!

Все, что она помнила, это имя, которое почему-то вызвало неодобрение у того долговязого мужика с испуганным лицом, который был при ней, когда она открыла глаза.

– Марина? – проворчал он. – Ишь, чего выдумала! Марьяшка – вот и все дела! Вот как я – Клим, а никакой не Климентий. Это небось для господ. А ты – Марьяшка!

Впрочем, он был добродушен и глядел на нее с жалостью, а потом, когда убедился, что она не дурачит его и вообще ничегошеньки о себе сказать не может, вплоть до имени отца с матерью и названия родимой деревеньки, Клим даже прослезился:

– Эка ты, девонька, горькая, бесталанная! Разум твой уснул накрепко – поди знай, когда пробудится!

Клим с радостью взял на себя обязанности ее наставника в новой жизни, однако вскоре убедился в неблагодарности этой роли. Ведь Марьяшку пришлось учить всему на свете! Пальцы ее не забыли, как плести косу, да и ложку мимо рта она тоже не проносила, хотя деревянная Климова ложка неловко вертелась в ее исхудалых пальцах. Но ничего другого она не умела: ни, дичась, закрываться рукавом от пристального мужского взгляда; ни молиться, ни к барской ручке подойти с поклоном, ни умильно чмокнуть в плечико, ни тем паче в ножки поклониться. Отбила все колени, прежде чем Клим остался доволен результатом. Но спустя малое время он убедился, что Марьяшка вдобавок разучилась щепать лучину, колоть дрова, топить печь, варить кашу да щи, стирать, белье катать, смазывать барскую обувь салом, штопать их чулочки, шить белье да рубахи, – и воскликнул в отчаянии:

– Ну, девка, наплачешься ты в этой жизни! А уж как барин с тобою наплачется! Небось проклянет денек, когда над тобою умиосердился!

Тут же Клим прикусил язык, но Марьяшка так пристала с вопросами, что он буркнул:

– Ну, прилипла как банный лист!

Почему-то при слове «банный» ее даже дрожь пробрала! Вскоре стало понятно, почему это слово вселяло такой страх. А также Марьяна узнала, что обязана неведомому барину жизнью, что кабы не он – болтаться бы ей на дыбе под кнутом, либо давиться в рогатках, либо, чего доброго, уже брести в Сибирь в кандалах да с клеймом во лбу. Марьяшка схватилась за голову: половины слов она не понимала, они утратили свое значение! Однако Клим говорил и говорил, и постепенно вырисовалась перед ее глазами маленькая картинка: она-де пошла в баню, а там на нее навалился злодей, коего она убила шайкою («Ну, господи боже, шайкою, неужто не понятно? В нее воду наливают! Деревянная, круглая, тяжелая! – надсаживался, объясняя Клим. – Моются в бане из шаек! Тьфу, экая ты дура уродилась непонятливая!»). Чужеземный барин, заблудившись в метели, в баньку на ту пору забрел – и девку пожалел. Спас ее от неминуемой кары! Теперь он увезет ее в свой заморский дворец, и там она должна будет служить ему верой и правдою, хотя Клим не представлял, чего наслужит такая косорукая.

Словом, кое-чему в жизни Марьяшка уже была научена, когда барин появился, поэтому она постаралась как можно лучше исполнить все Климовы наставления: и в ноги бухалась, и ручку целовала, и благодарила за милость к ней, недостойной... И такая тоска ее при этом брала, словно делала она что-то чрезвычайно себе противное!

Барин оказался молод и пригож – в точности как и говорил Клим. И, верно, впрямь был он добрым человеком, ибо тотчас после всех ее поклонов кликнул какую-то девку, служащую на постоялом дворе, да приказал немедля сделать баню для Марьяшки. При этом слове ее вновь пробрала дрожь, но послушаться она не посмела: покорно побрела в какой-то щелястый

чуланчик, где приготовлена была горячая вода и щелок: побрела с надеждой угодить барину и наконец-то увидеть знаменитую шайку. Однако даны были ей большие медные тазы, в коих Марьяшка и плескалась: сперва со страхом, а потом с восторгом. Верно, в былой жизни своей она этому занятию предавалась частенько! Совсем другим человеком ощущала она теперь себя, а когда вытерлась, заплела косу и переделась в новую справу, купленную добрым баринном, заметила, что и прочим по нраву ее новый облик: девка-служанка более не косоротилась, не зажимала нос, Клим взглянул на свою подопечную с изумленным одобрением, а барин... барин отвел глаза и кивнул, после чего сказал, что устал и пора спать.

Потом он вошел в свою опочивальню и оставил приоткрытой дверь.

– Ну, иди, иди! – подтолкнул девушку Клим.

– Да ты что? – испугалась она. – Да я же ему спать помешаю!

– Твое счастье, коли так! – сурово изрек Клим и подтолкнул Марьяшку с такой силой, что она влетела в приотворенную дверь и едва не ударилась в барина, стоящего возле пышной постели.

Он глубоко вздохнул, увидев девушку, а у нее отнялось дыхание. Он глядел своими светлыми, мерцающими глазами так странно, так пристально... Наверное, следовало бы заслониться рукавом, но Марьяшка не могла этого сделать, а только обреченно закинула голову, когда барин приблизился, задрал рубаху да сарафан, обнажив прохладные бедра, а потом чуть приподнял. Марьяшка испуганно вскрикнула – голова у нее закружилась, – и, чтобы удержаться, оплела спину барина руками и ногами. До нее донесся слабый крик... с изумлением она узнала свой голос... а потом всецело отдалась наслаждению, властно вторгшемуся в ее тело. Одна мысль промелькнула в этот миг – и тут же сгорела в пожаре страсти.

Это была мысль, что к его телу прижимается она не впервые.

Едва доехав до Митава, с Климом простились. Перед отъездом он преподал Марьяшке новую премудрость: просыпаться прежде барина и исчезать из его постели до рассвета. Наставлял, что днем надо держаться с баринном скромно, даже диковато. Избави боже хоть взглядом намекнуть на их особенные отношения! И вечером нельзя идти к нему до тех пор, как он знака не подаст. Нельзя!

Марьяшка и не ввалась. Она не только от Клим, но даже от себя самой таила, что сердечко ее ежевечерне трепещет: позовет? не позовет? Он звал всегда, и во тьме ночной владел Марьяшкой с неиссякаемым пылом, однако ни слова при том не слетало с его распаленных уст. Молчала, конечно, и она, и только тяжелое, прерывистое дыхание сопровождало это неутомимое любодейство.

На ощупь она знала каждый изгиб его стройного тела (ему нравилось, когда она набиралась храбрости и ласкала его), однако днем глаза его всегда были как лед, и губы холодно сжаты, и голос звучал как ветер. Марьяшке никакого труда не составляло робеть и дичиться, забиваться в уголок возка... и с нетерпением ждать, когда настанет новая ночь.

Итак, Клим отбыл восвояси, пожелав милостивому барину (одарившему кучера немалым кошельком) Божьего покровительства. Того же он чаял для Марьяшки, до слез сокрушаясь тем, что она так и не приноровилась чистить господскую обувь. Слава богу, хоть штопке да шитью обучилась с завидной легкостью – верно, пальцы вспомнили-таки прежние навыки!

Теперь они путешествовали в дилижансе. Это ведь была уже чужеземщина, а по ней в возках не ездят. Сидели в длинной объемистой карете на лавках, прибитых вдоль стен, да не одни – в компании с другими путешественниками. Багаж барский увязан был на крыше, кроме малого саквояжика; Марьяшка держала в руках узелочек со своей чистой рубахой да чистым платочком.

Барин справил Марьяшке толстенный клетчатый платок, в которых здесь ходили все женщины. И она сидела, завернувшись в него с головой: платок был огромный. Барин назвал его

по-своему: плед. Это слово Марьяшка усвоила... Как и многие другие. Барин учил Марьяшку своей иноземной речи: ведь ей теперь предстояло навечно привыкать к чужому. И не мог скрыть удивления, сколь легко она запоминала новые слова! Труднее было выговорить их так, чтобы барина не перекашивало от смеха, но Марьяшка и это одолела. Словом, через неделю, когда они миновали без задержек Пруссию, она презрительно понимала и говорила на его языке и знала, что называть барина следует *mylord* – милорд. Однако в стране, именуемой Францией, он изъяснялся только по-французски и настрого запретил Марьяшке звук молвить по-английски. Впрочем, несколько простейших нужных слов она изучила и на этом новом языке – с прежней легкостью. Смысл почти всего, что она слышала, оказался ей понятен, и барин снова был изумлен. Однако новые успехи ее не радовали: два слова, кои милорд всегда говорил ей только по-английски, давно не звучали, а она мечтала услышать их вновь. Эти слова были – *come here*. Иди сюда...

Однако на постоянных дворах слуги жили отдельно от господ, в плохоньких, тесных помещениях... И в душе у нее все встрепенулось, когда суровый капитан, нипочем не желавший брать ее на корабль, все же смягчился и не только доставил на свое уютное суденышко, но даже не устоял перед щедрою оплатою и предоставил «рабовладельцу» отдельную каюту: более похожую на чулан, но все же отдельную. Все задрожало в Марьяшкиной душе: она знала, что в плавании они будут находиться день, и хоть барин никогда не говорил ей: «*Come here!*» днем, все-таки мало что может быть!

Каютка показалась ей уютною. Правда, кровать была похожа очертаниями на гроб... через миг выяснилось, что показалось не напрасно.

– Вот здесь, – объявил капитан, – лежала прекрасная француженка, которую год назад я тайком перевозил к английским берегам. Ее спасла «Лига красного цветка» – но, увы, лишь для того, чтобы дама умерла свободною! Сердце маркизы Кольбер не выдержало радости, оно было надорвано испытаниями...

– Маркизы Кольбер? – воскликнул милорд изумленно. – Так она умерла!

– Вы знали ее? – насторожился капитан. – Каким же образом?

– Очень простым, – печально ответил милорд. – Никто другой – именно я привез маркизу из Парижа в Кале и поручил ее заботам следующего связного. Да... она была слишком напугана, слишком измучена, у нее не оставалось сил жить.

– Ваша правда, – кивнул капитан. – Однако же неужто вы, сударь, принадлежали к Лиге?

– Клянусь, – усмехнулся милорд. – Клянусь вам в этом, как перед Богом! И, быть может, теперь вы поймете мою снисходительность к варварским русским обычаям? Видите ли, я просто пресытился *la liberte, egalite et raternite!*⁴

Капитан расхохотался:

– Черт побери! Вам следовало сказать об этом сразу, дорогой сэр, тогда бы мы не потеряли столько времени и не задержались с отплытием. А надобно вам сказать, что меня очень смущает ветер. Он из тех, что могут мгновенно перемениться, и тогда плавание наше не будет столь приятным, как хотелось бы. Да и туман, висящий над морем, может предвещать беду. Простите, сэр, мне смертельно хочется расспросить вас о героическом «Красном цветке», однако я должен командовать отплытием. Не хотите ли пойти со мной? Потом, когда дела будут исполнены, я угощу вас настоящим английским портером. Вы небось наскучались по нему?

– Почту за честь и удовольствие! – весело ответил милорд и вышел вслед за капитаном в низенькую дверь, даже не взглянув на Марьяшку.

Барин не возвращался долго. Уже давно корабль качался на волнах; Марьяшка даже вздремнула, а его все не было. Фонарь, мотавшийся под потолком, едва рассеивал полумрак,

---

⁴ Свободой, равенством и братством! (*франц.*) Эти слова были девизом Французской революции.

хотя сквозь круглое окошко было видно солнце. Но уж больно маленькое оно было, это окошко! Вдобавок закрытое накрепко, так что в него вовсе не проникало воздуха.

В каютке сделалось так душно, что Марьяшка просто-таки места себе не находила. Ей было то жарко, то холодно, и снова подкатил к горлу ком, но это были уже не слезы, а словно бы все нутро ее взбунтовалось и рвалось наружу.

Она умрет, непременно умрет, ежели пробудет здесь еще хоть мгновение! Просто задохнется! Не думая, как разгневается барин, она дрожащей рукою толкнула дверь и на подгибающихся ногах выбралась на палубу.

А палуба дрожала и ходила ходуном. С нею и здоровому-то не совладать, не только измученной Марьяшке!

Но где же ее милорд? Что, если он упал где-нибудь в приступе внезапной болезни – и некому прийти ему на помощь? Капитану, небось, не до него: Марьяшка увидела знакомую худую фигуру на мостике. Вильям Вильямс в тревоге смотрел на потемневшие, бурно вскипевшие волны. Ветер хлестал корабль по бокам своим мокрым бичом. Вдруг что-то мокрое окропило Марьяшку. Пена шипела и таяла на ее руках.

Капитан что-то закричал. Марьяшка взглянула в ту сторону, куда он показывал.

Волна нарастала над кораблем... вдруг девушка догадалась, что капитан крикнул: «Держитесь крепче!» В то же мгновение она увидела своего милорда, который пригнувшись, бежал по палубе. И он ни за что не держался! Да его сейчас смоем за борт!

Марьяшка выпустила спасительную дверь, кинулась к милорду, вцепилась в него – волна накрыла их, сбила с ног, поволокла по палубе. Что-то ударило Марьяшку в голову... боль пронзила виски, в глазах смерклося... и все исчезло.

На какой-то миг Десмонду показалось, что волна увлечет их в то глубокое отверстие корабля, где лежали острые якоря, однако она ушла, не причинив вреда, разве что Десмонд ощутил себя мокрым до костей. Черт! На таком ветру, в январе! Надобно поскорее переодеться.

Он вскочил на подгибающихся ногах, рывком поднял девушку, но она повисла на его руках, бессильно запрокинув голову.

О! Ну как же снова не помянуть черта?! Он еще не видал крестьянку, которая столь часто падала бы в обморок. А если это опять на неделю, а то и две? Он вообразил, какое выражение лица делается у слуг, которые будут встречать его на пристани в Дувре, когда они увидят его с бесчувственной русской простолюдинкою на руках, – и против воли засмеялся. Нелегко придется в Англии, особенно на первых порах! Матушку всегда считали особой со странностями; очевидно, Десмонду суждено унаследовать это отношение к себе.

Толкнув ногой дверь, он вбежал в каюту, опустил Марьяшку на кровать и с радостью увидел, как блеснули ее глаза. Благодарение Богу, очнулась!

– Переоденься. Мы оба вымокли насквозь, – бросил он и, подойдя к сундуку, принялся вытаскивать оттуда сухое. Поскорее сменить белье! Хорошо бы еще растереться бренди, и не только растереться.

Конечно, джентльмену, каковым был лорд Маккол, следовало подождать, пока приведет себя в порядок дама. Хоть Марьяшка (ох, ну и наградил же ее Господь именем – язык сломаешь!) и простолюдинка, а все-таки – особа женского пола. Но Десмонда била такая дрожь, что он не думал о приличиях. В конце концов, она не увидит ничего, что не видела или не трогала прежде. Ведь по ночам...

При воспоминании об этих ночах Десмонда пробил новый приступ дрожи. Они так давно не проводили ночей вместе... Зачем скрывать, что желание томило его? Конечно, он стыдился своей пылкости к этой крестьянке, ведь тело в такие минуты властвовало над лордом Макколом

и заставляло забыть обо всем. Какая ему разница была, кто здесь родом выше, кто ниже, когда они лежали рядом, обнимая друг друга, и не было в мире существ ближе?..

Десмонд снял рубашку, но не ощутил холода. Все тело его пылало так, словно он не просто растерся бренди, а принял ванну из него. И голова кружилась, как после доброго глотка. Да, он пьян... пьян от желания, и ежели тотчас не расстегнет штаны, они порвутся.

Через мгновение он буквально вырвал девушку из мокрых тряпок, облепивших ее тело, не глядя отшвырнул их куда-то на пол и, вспрыгнув коленями на узкое, неудобное ложе, встал меж белых, нежных ног.

Марьяшка лежала недвижимо, глядя ему прямо в глаза. Десмонду показалось, что она глядит с выражением бесконечного изумления, словно не понимает, кто он и что намерен делать с нею. Конечно, она удивлена, что милорд намерен заняться любовью днем. Он загнал «лорда Маккола» с его английским пуританством подальше в недра души – сейчас сделать это было легче легкого! – и, подхватив девушку под бедра, повлек ее к себе.

И в это мгновение Марьяшка слабо, тоненько выкрикнула:

– Оставьте меня, сударь, вы с ума сошли?!

Глава VI

Честь лорда Маккола

– Сэр, ради бога... – Капитану Вильямсу очень хотелось схватиться за голову и хорошенько ее потрясти. Может быть, тогда все взбаламученные мысли его пришли бы, наконец, в порядок, и жизнь сделалась бы такой же спокойной, каким было море накануне отправления из Кале... пока внезапный шторм не взбаламутил и его, и этого странного пассажира. Шторм, впрочем, улегся так же внезапно, как и возник, а вот приступ безумия, овладевший лордом Макколом, что-то затягивался. И поэтому больше, чем свою голову, капитану Вильямсу хотелось бы потрясти сейчас этого молодого человека, чтобы, наконец, вразумить его. Впрочем, Маккол и так выглядел потрясенным, даже чересчур.

– Сэр, послушайте... – опять завел капитан Вильямс, на всякий случай убирая руки за спину, чтобы не дать себе впасть в искушение. – Подумайте о своем положении в обществе. Вы происходите из родовитой, почтенной семьи, вы – граф, вы – лорд.

– Я всего лишь год – лорд, а двадцать пять – человек, – буркнул пассажир.

– Да неужели вы почтете себя обязанным?.. – Капитан едва не задохнулся в отчаянии. – Нет, я не могу, не могу!

– И я не могу поступить иначе, – тихо проговорил лорд Маккол. – Она назвала меня подлецом – видит Бог, у нее есть все основания так говорить!

Капитан поглядел задумчиво:

– Вы, помнится, рассказывали, будто в России непокорным слугам... р-раз! – и нет головы?

Лорд Маккол помолчал, потом криво усмехнувшись, молвил:

– Ну, я наплел всяких баек, чтобы убедить вас взять нас с нею на борт. Правда лишь в том, что я роковым образом вмешался в судьбу этой несчастной, и теперь честь моя требует, чтобы я искупил свою вину перед ней.

Капитан Вильямс содрогнулся. Чудилось, за спиной лорда стоит некая черная тень: имя этой тени – Честь, и она требует, требует, требует невероятных кровавых жертв. Он не мог, не мог поверить тому, что рассказал Маккол! Это не укладывалось в уме! Истории про обезглавленного повара – верил. А вот этому...

Но слово «честь» уже произвело свое магическое действие. Если для лорда Маккола это и в самом деле вопрос чести – или смерти, как он уверяет, капитан исполнит требуемое. Но все-таки он сделал еще одну попытку избавиться от тягостной обязанности и робко предложил:

– А нельзя ли, сэр, подождать до прибытия в Дувр? Там вы отыщете более компетентных людей... В конце концов, остался какой-нибудь час пути, ничто нам более не угрожает, шторм улегся...

– Не лукавьте, капитан! Вы прекрасно знаете, что на море полный штиль, мы стоим на месте, и неведомо, когда паруса наши вновь наполнятся попутным ветром, – укорил Маккол. – Кроме того, я сообщил о своем прибытии, меня будут встречать, и я не желаю подвергнуть бедную женщину новым унижениям в присутствии слуг. Они и подозревать не должны о ее прежнем двусмысленном положении! Они сразу должны видеть в ней... – Он поперхнулся словом. – Разумеется, я не могу принудить вас, могу только просить...

– Ах, боже мой! – только что не взвыл добросердечный капитан, осознав полнейшую тщетность своих усилий. – Бог с вами! Вы меня смущаете, сэр. Ведите, ведите ее сюда, да поскорее, пока я не передумал!

Маккол не двинулся с места. Его опущенное лицо вспыхнуло.

– Не могли бы вы пойти со мной в каюту, – чуть ли не умоляюще шепнул он. – Там, на берегу, я тотчас пошлю по лавкам, но пока...

Вильямс понял. Маккол не хотел, чтобы другие видели это отребье, которому выпало такая счастливая карта, в отрепьях.

«Зачем, зачем я дал себя уговорить и взял их на борт? – подумал он в отчаянии. – Тогда они бы не попали в шторм, от которого достопочтенный лорд спятил!»

Но ничего уже нельзя было вернуть назад, и сказать было нечего, кроме как буркнуть уныло:

– Ну пойдёмте, коли вам непременно хочется... «Погубить себя», – добавил капитан мысленно и, достав из шкафчика толстую книгу в кожаном переплете, вырвался из каюты на вольный воздух, стремясь как можно скорее сложить с себя тягостную обязанность.

Едва услышав ее возмущенный возглас: «Оставьте меня, сударь, вы с ума сошли?!» – Десмонд почуял неладное и, вскочив с постели, растерянно замер перед нею, пристально вглядываясь в лицо, ставшее вдруг обиженным, незнакомым, испуганным.

Желая успокоить бедняжку, Десмонд развязал узелок, в котором она держала сменную рубаху, и протянул ей, мешая русские и английские слова, как изъяснялся с ней обычно:

– Cold... до костей. Ship... волны – бух! На палуба. Сухое dress надевать, Марь-яш-ка... you'll be ill!

– Какая палуба? И что за тряпье вы мне суете? И какая я вам Марь-яш-ка, сударь?!

Она, в точности так же ломая язык, как Десмонд, произнесла свое имя, однако все остальное было почти безупречной английской речью, и он остолбенел.

Выходит, она прекрасно обучена его языку? Но где, как русская крестьянка могла?..

– Позвольте спросить, где мое платье? – вскричала Марьяшка, взглянув на него с новым, надменным видом и став на колени, так что все ее дивное тело вновь открылось Десмонду: полушария тяжелых грудей вздрогнули, вызвав знакомую судорогу внизу живота.

Десмонд неловко переступил, пытаясь поудобнее уместить растревоженную, настойчиво напоминающую о себе плоть, и ответил раздраженно:

– Его пришлось выбросить. Но не тревожься, в Англии я куплю тебе новое, и не одно, а сколько пожелаешь!

Заломив бровь, девушка взглянула на него с презрением:

– В Англии?! Вы? Да кто вы такой, чтобы я позволила... Поверьте, сударь, я не нуждаюсь ни в чем покровительстве!

Эта бессмысленная заносчивость вдруг взбесила Десмонда. Не нуждается? Он мучительно стыдится своего неумного желания ее, а она... как могла она сказать, что не нуждается в нем?!

– Вы мне принадлежите, – рявкнул он. – Что бы вы ни говорили, что бы ни возомнили вдруг – вы моя собственность! Советую вам помнить свое место и впредь не забываться!

Едва выговорив последние слова, он пожалел о них и об интонации, с которой они были сказаны... к чести его следует добавить, пожалел еще прежде, чем девушка подалась всем телом вперед и вlepила ему пощечину.

Удар был не по-женски увесист. И Десмонд едва удержался на ногах, а девушка так и рухнула плашмя, чудом не скатившись с гробовидного ложа.

И пока она лежала, воздев выше головы свои прелестные округлые бедра, Десмонд не совладал со внезапно вспыхнувшей яростью и наградил ее увесистым шлепком. Попка ее оказалась такой тугой, что он ушиб ладонь, но и ей, конечно, причинил боль, от которой она так и взвилась.

Десмонд усмехнулся: он слышал, что некоторые женщины безумно возбуждаются во время таких вот милых игр. Но это так не похоже на прежнюю Марьяшку, которую он знал...

И он спохватился: да ведь эта женщина не в себе! С нею вдруг что-то случилось... как там, в бане, где Марьяшка вдруг позабыла все свое прошлое, так и теперь, во время бури. Это просто помрачение, которое должно пройти.

Эй, да что это с нею?! Соскочила с постели, бежит вперед...

Марьяшка налетела на него, но что была ее сила, пусть дикая, пусть вольная, против мужской силы! Он хотел привести ее в чувство, прекратить этот припадок безумия. И был только один способ... во всяком случае, сейчас.

Она билась, рвалась, но он вновь бросил ее на кровать, прижал всем телом, думая лишь об одном: какое счастье, что еще не застегнул штаны!

Потом он долго лежал, придавив ее тело. Девушка больше не билась, не кричала: только тихо плакала. Слезы лились неостановимо, и щека Десмонда, прижатая к ее щеке, была мокрой.

Он вяло принялся в очередной раз переодеваться, удивляясь: да ведь это впервые он не получил от Марьяшки никакого удовольствия, а ощущает себя по меньшей мере убийцей.

Вдруг девушка резко села, натянула на себя рубашу и уставилась на него лихорадочно блестящими глазами, с мрачным, решительным выражением лица.

– Сколько они вам за это заплатили? – с ненавистью спросила она.

* * *

...Что бы ни сказал ей теперь этот человек, Марина ему не верила. Он уверяет, что она была в забытии, себя не помнила, а поскольку первая встреча их случилась в баньке, вдобавок одета Марина была самым убогим образом, он и принял ее за деревенскую девку, готовую на все. Ну не было у него причины подумать иное! Он еще твердил, будто желал спасти ее от расплаты за свой же грех – убийство Герасима; что заботился о ее благе, намеревался даже в Англию забрать с собою, там бы она жила себе да жила...

– Кем жила? – спросила Марина ехидно. – Прислугою? Игрушкою вашею? А ну как прискучу? Тогда на улицу?

Он отвернул свое надменное лицо, на которое Марина теперь взирала с отвращением. А ведь там, в баньке, он ей пришелся по сердцу... ох, как пришелся! Но теперь она помнила одно: лютую боль, унижение, которое испытала по его вине, когда он брал ее силою, грубо, – и не сомневалась: все, что он плетет, – ложь.

Конечно, на самом деле было так: когда она пошла гадать в баньку, ее выследил Герасим. Но этот «заблудившийся лорд» (конечно, Россия – извека страна чудес, но чтобы английские лорды вот так, запросто, шатались в богом забытой глуши... это уж совсем враки!) пришел раньше и обольстил Марину.

Конечно, «лорда» подкупили ее тетка с дядюшкой – в этом у Марины не было ни малого сомнения. Откуда они его выкопали – бог весть. Но немало авантюристов попало в Россию в те времена: все эти бесчисленные французские «графы» да «маркизы», бежавшие от гильотины и бывшие просто искателями легкой наживы в дикой доверчивой стране. Мог затесаться среди них хоть один англичанин, ветреный, как мотылек?.. Мог. Вот и затесался на Маринину погибель! Очевидно, тетушка с дядюшкой рассудили, что чем большее расстояние отделит племянницу от дома, тем лучше. Из Франции небось и пешком дойдешь в случае чего, а из Англии... Это ведь только государыня Елизавета Петровна верила, что из Лондона до Петербурга можно доехать сушею! Нет, море – это такая преграда, кою не всякому одолеть посильно. Поэтому выбор злодейских опекунов, решивших раз и навсегда закрепить за собою богатства бахметевские, пал на «лорда». Ну, стало быть, он получил немалые деньги, попользовался девичьей доверчивостью, прикончил не вовремя явившегося Герасима (это было единственным его добрым делом!), а потом увез Марину, опоив ее каким-то зельем, продолжая опаивать в дороге и намерившись непременно внушить ей, будто она – холопка, годная лишь прислуживать и

ублажать своего господина. Что она и проделывала со всяческим рвением и прилежанием – от слова «лежать»...

Марина так вонзила ногти в ладони, что едва не закричала от боли. Но боль отрезвила ее и удержала от единственного, чего страстно хотелось сейчас: убить погубителя всей ее жизни.

Как же дядя и тетка объясняют исчезновение племянницы? Хотя кто о ней спросит? Даже с ближайшими соседями, Чердынцевыми, она уж года три, а то и больше, не виделась. Они небось и забыли о ее существовании. А тем немногим, кто может побеспокоиться о ней: прислуге да крестьянам, – самым убедительным, пожалуй, покажется вот такое объяснение: ослупалась, мол, барышня, барской указки, украдкой отправилась гадать, чем совершила перед Богом грех непростительный – за грехи-то ее черти из баньки и уволокли!

А ведь этот англичанин мог, получив деньги, ее просто прикончить – как Герасима. Марину будто ножом пронзило от этой мысли: а ежели ему было заплачено именно за убийство? Чего проще: пошла барышня гадать, но в глухую ночь напали на нее лихие люди, да и... царствие небесное бедняжке! Но он оставил Марину живой и с собою забрал – пусть на утеху забрал, но все же не кинул – безумной, беспамятной – где-нибудь на обочине. Выходит, Марине даже есть за что его благодарить?

Она взглянула в угол, где сидел, устало понутив плечи, ее «лорд». И тут же осенило: он не дурак, вот и не убил! Это же такой подарок был бы опекунам: найти племянницу мертвой – и пустить погоню по следу убийцы! Они – неутешны, они – чисты, они получают баснословные бахметевские богатства. А его – на правож. Не поверят ведь, что он был подкуплен... «Лорд», конечно, умен. Оставил Марину живой, чтобы и греха на душу не брать, и блуд чесать, когда вздумается. Но если он полагает, что она его еще раз к себе подпустит...

Конечно, над всем, что она тут наплела, посмеялся бы всякий здравомыслящий человек, однако Десмонд почему-то поверил ей сразу, лишь только услышал из ее уст почти безупречную английскую речь. Теперь понятно, почему «Марьяшка» оказалась столь способна к изучению иностранных языков – и столь бездарна как прислуга. Ей ведь и самой всю жизнь услужали – и звали, конечно, не Марьяшкой, а Мариной Дмитриевной, вашим сиятельством, княжной!

Десмонд до боли стиснул зубы. Вот это ему и нужно сейчас – боль, которая отрезвит.

Никогда не надо подавлять первых побуждений! Захотелось застрелиться, узнав, что обесчестил русскую княжну, силою увез из родного дома и продолжал бесчестить в течение нескольких недель, – вот и надо было тотчас же стреляться. Теперь, по крайней мере, был бы избавлен от всяческих объяснений. Да и что тут можно объяснить? Что их первая встреча в очередной раз доказала правоту великого Сервантеса, сказавшего: «Между женским «да» и «нет» иголка не пройдет!»? Но истинный джентльмен скорее откусит себе язык, прежде чем скажет благородной даме: вы, сударыня, хотели меня так же, как я вас! Нет, она считала себя рабыней, вынужденной подчиняться прихотям своего господина. И сейчас она помнит лишь то, как он насиловал ее.

Ничего. Десмонд загладит свою вину. Есть только одно средство спасти ее честь – и свою. Ох, что начнется дома... А впрочем, он теперь лорд Маккол, и никто не посмеет ему возражать, даже если он явится в родовой замок Макколов в сопровождении целого гарема. Нет, его родне, слугам и фамильным привидениям бояться нечего: он привезет с собою всего лишь одну... жену. Леди Маккол.

Он выпрямился, расправил плечи, подавив нелепое желание прикрыть ладонями то место, где праотец Адам носил фиговый листочек. Дьявольщина! Ее взгляд словно иголками колет! Десмонд стиснул зубы, подавляя сладостные судороги, пронизывающие его чресла, и проскрежетал:

– Прошу вас оказать мне честь и стать моей женой!

Бог весть, чего он ожидал от этих слов... Ну, может быть, она упала бы в обморок, или зарыдала бы, или кинулась бы ему на шею... Об этой возможности Десмонд мог только мечтать

и, кажется, еще ни о чем на свете он не мечтал так страстно – и так напрасно, ибо девушка, сузив глаза (где они, слезы счастья?!), отпрянула – и прошипела в ответ:

– Да я лучше умру!

Ого! Ну и дошлый достался ей «лорд»! Он оказался еще умнее, чем думала Марина! Умнее – и хитрее... Прогадали ее опекуны. Думали, избавились от племянницы? Ничуть не бывало! Просто к ней в придачу навязали себе на шею еще и зятя!

Нет, не видать Марине родительского наследства! Но и опекунам его не видать. Все по праву супруга приберет к рукам этот фальшивый лорд, этот голоштанник, этот... Ну уж нет! Он может связать ее и приставить пистолет к виску, только тогда она скажет «да»!

Все это или примерно это она ему и выпалила. Думала, он разъярится, но лицо его стало таким... таким ледяным, что Марина впервые испугалась. Да, кажется, только сейчас он впервые по-настоящему разозлился. Что же он с ней сделает? Опять распнет на постели, утверждая свою власть? Или избьет? С него станется – вон какой лютой ненавистью сверкают его глаза!

Она бестолково замельтешила руками, пытаясь понадежнее и стыдное место прикрыть, и лицо защитить от возможного удара, – но упустила миг, когда злодей на нее набросился.

* * *

На море по-прежнему царил полный штиль. Прежде капитану Вильямсу только слышать приходилось о таких внезапных переменах погоды, тем паче в исхоженном вдоль и поперек Ла-Манше. Он знал, что моряки, желая в шторм провести корабль в какую-нибудь укромную бухточку, выливают на взбунтовавшиеся волны несколько бочек масла. И чудилось, некая всевластная рука проделала то же самое со всем проливом, умирив бурю внезапно и бесповоротно.

Море стояло, как неподвижное стекло, великолепно освещаемое закатным солнцем. Эта картина, способная до слез восхитить стороннего наблюдателя, наполняла сердце всякого морехода глубочайшим унынием. Бог весть, когда придет ветер. И нет никакой надежды бедолаге Вильямсу отвертеться от пренеприятнейшей обязанности.

Капитан покосился на человека, идущего рядом. Подбородок выпячен, плечи развернуты, голова вскинута – вид надменный и уверенный. Никто не угадает, какие кошки скребут на душе у этого молодого, красивого, богатого – и столь злополучного человека. Вот живое подтверждение высказывания, что блестящая наружность и блестящее положение в обществе не делают человека счастливым.

С этой мыслью капитан Вильямс вошел в единственную пассажирскую каюту на пакетботе, в которой ему предстояло совершить нечто столь несусветное, что он малодушно предпочитал думать, будто спит и видит сон.

Он ведь ожидал увидеть девицу, рыдающую над потерей своей чести, однако довольную предстоящим браком с высокородным джентльменом. Ну, он даже предполагал увидеть алчное лицо авантюристки, с трудом скрывающей восторг, что в ее сети попал человек с таким положением и богатством. Однако от зрелища, ему открывшегося, Библия вывалилась у него из рук и с грохотом ударилась об пол.

Девушка оказалась обмотана обрывками простыней по рукам и ногам, затем привязана к кровати, и даже лицо ее было наполовину скрыто тряпками, так что виднелись только глаза, сверкающие отчаяньем и ненавистью.

– Немного странный наряд для невесты, вы не находите, милорд? – выдавил, наконец, капитан Вильямс, и Маккол изобразил на своих презрительно поджатых губах усмешку:

– Клянусь, вы правы, капитан. Мне он тоже не нравится. Однако ничего другого я ей не могу предложить. Впрочем, не сомневайтесь: едва мы окажемся в Дувре, моя жена получит

лучшее, что можно будет найти в тамошних лавках, а уж в Лондоне на Бонд-стрит она может устроить истинную оргию покупок!

Тело на кровати слабо забилося... едва ли от восторга, подумал капитан Вильямс. Слова «моя жена» вызвали у нее ярость! И только тут его осенило: похоже, что жертва Маккола не хочет выходить за него замуж! Но ведь это удача для милорда, зачем же он...

– Обряд венчания предполагает слова «да» или «нет», сказанные женихом и невестой, – сухо промолвил он. – Сдается мне, я услышу от дамы только «нет», а потому позвольте мне откланяться и вернуться позднее, когда вы договоритесь получше.

– Получше мы не договоримся, – покачал головою Маккол. – Моя невеста заявила, что скорее умрет, чем выйдет за меня замуж. Ну а я скорее умру, чем смогу жить с таким пятном на моей чести и совести. Потому, капитан, прошу вас слегка отступить от общепринятых правил – и все-таки обвенчать нас.

– Но я не могу, не могу... – в совершенной растерянности забормотал капитан, подхватывая с полу Библию и пятясь к двери. – Я совершенно не могу...

– Можете, – успокоил его Маккол, стремительным движением заступая путь. – Уверяю вас! – И он выхватил из-за борта сюртука пистолет. – Видите? Он заряжен. Поэтому, капитан...

Вильямс вытаращил глаза.

Разумеется, он не испугался. Ему сделалось жаль этого безумца. Тот напоминал обреченного, который угрожает смертью своею палачу, чтобы тот поскорее отрубил ему голову.

Бред какой-то! Нелепость!

– Вы, сударь, спятили, – сказал капитан сердито. – Но хорошо, я исполню вашу волю. Спорить с сумасшедшим? Слуга покорный! Мне только хочется узнать, что вы предпримете для того, чтобы эта леди сказала вам «да»?

– Сейчас узнаете, – кивнул Маккол, перехватил пистолет левой рукой, а правой дернул какую-то завязку, сорвав ткань с лица девушки.

Она глубоко вздохнула, но прежде, чем хоть один звук вырвался из ее рта, Маккол с ловкостью фокусника выхватил из-за пояса еще один пистолет и уткнул ей в висок. Девушка содрогнулась – и замерла с приоткрытым ртом, устремив на Вильямса почерневшие от страха глаза.

– Вы... вы не посмеете... – пробормотал капитан, чувствуя, что у него подкашиваются ноги.

– Хотите меня испытать? – с кривой улыбкой спросил Маккол, и Вильямс увидел, как дрогнул его палец на спусковом крючке. – Между прочим, девиз нашего рода: «Лучше сломаться, чем склониться!» Клянусь, что убью ее на ваших глазах, но виновны в этом будете вы.

– Как так? – опешил Вильямс.

– Ну это же вам хочется поглядеть, хватит ли у меня решимости, – невозмутимо пояснил Маккол. – А я – человек азартный. Ради того, чтобы свою правоту доказать, случалось, такие пари заключал, на таких дуэлях дрался! Мне не в новинку убивать, капитан. Поэтому, если вам угодно...

– Нет! – хрипло выкрикнул капитан, ненавидя себя за малодушие. Он ведь понимал, что Маккол его дурачит, однако... однако, а если нет?

– Ну что ж, вот и хорошо, – кивнул Маккол. – Венчайте нас, да поскорее. Ого! – усмехнулся он, ощутив, как вдруг накренился, качнулся корабль. – Похоже, ветер набирает силу, наполняет паруса и готов нести нас к английским берегам? Весьма кстати! Итак, капитан, прошу вас поспешить с обрядом, а если вам кажется, что на один из вопросов леди ответит «нет», лучше пропустите этот вопрос.

Но она ответила «да». А что ей еще оставалось делать?!

Глава VII

Леди Маккол

О, черт бы побрал малодушного капитана! Он испугался – Марина видела: он испугался, поверил, что Маккол выстрелит в висок своей невесте. Хотя и Марина верила: да, выстрелит. Другое дело, что из второго пистолета он тут же убил бы себя... Это она знала доподлинно, чувствовала всем существом своим, как будто Десмонд поклялся ей в этом. Странный был миг, когда она могла читать в его глазах и в сердце... Жаль, что так быстро это прошло и супруг ее оказался такой же загадкой, какою был жених. Марина не сомневалась, что они отправятся в обратный путь через пролив на первом же судне, а потом помчатся в Россию, чтобы «лорд» мог завладеть бахметевским наследством, однако Маккол, выпроводив капитана, сообщил Марине, что они незамедлительно отправятся в путь, поскольку в замке (он так и сказал – castle, ей-богу... врал, конечно, там у него, небось, какая-нибудь развалюха) его ждут неотложные дела. А затем... затем он произнес, не глядя на Марину, словно стыдился ее (или себя?):

– Мы с вами во всем чужие люди. Вы мне не верите – более того, не желаете верить, а потому вам никогда не понять, почему я поступил именно так, как я поступил. Честь диктует свои законы... для вас это пустой звук, однако теперь вы – честная женщина. Более того, по всем законам божеским и человеческим вы принадлежите мне и я имею на вас все права. И все-таки... все-таки сейчас я не приказываю, а прошу вас. Прошу! Готовы ли вы выслушать мою просьбу?

Опять-таки – что ей оставалось делать? Она ведь была по-прежнему связана, а пистолеты свои «лорд» все еще не убрал. И вот что сказал Маккол:

– Титул свой я получил совсем недавно: унаследовал после смерти старшего брата. Правильнее сказать, трагической гибели. Не прошло и года... конечно, срок траура уже кончился, однако, согласитесь, родственники мои, знакомые, соседи, прислуга, арендаторы – все еще подавлены случившимся. И мое появление в качестве молодожена, у которого сейчас медовый месяц, с супругой, которая меня ненавидит (почудилось Марине, или и впрямь прозвучала горькая нотка в его голосе?), будет не просто нарушением приличий, но даже кощунством. Дело даже и не в этом: я должен найти убийцу брата, и всякий скандал будет мне в том помехой. Поэтому... поэтому я предлагаю: наш вынужденный брак остается тайным. Вы приедете в Маккол-кастл под своим именем – мисс Марион Бахметефф – и я представлю вас как свою кузину.

– Ну, если вы каждому будете тыкать в висок пистолетом, они, может быть, в это поверят, – не сдержалась Марина. – Чушь какая! Вы – англичанин, я – русская. Мы, может быть, братья и сестры во Христе, но...

– Не такая уж это чушь, – перебил «лорд», наконец-то убрав пистолет, словно только сейчас о нем вспомнив. – Я ведь наполовину русский. Моя покойная матушка была вашей соотечественницей. Я представлю вас племянницей матушки, скажу, что пригласил вас погостить в обмен на гостеприимство, мне оказанное. Возможно, кому-то совместное путешествие кузенов покажется не вполне приличным, однако... однако это лучше, чем бывшее в действительности.

Марина даже отвечать не стала. У нее дыхание сперло от воспоминания, как он держал ее под колени, широко разведя их в стороны, и... и... И теперь он задумался о приличиях?!

– Погодите, – торопливо сказал Маккол, очевидно, понявший по хищной вспышке ее глаз, какой ответ его ожидает. – Погодите, это еще не все. Итак, вы будете жить в замке, и спустя некоторое время я стану проявлять к вам романтический интерес. Конечно, сейчас вы ненавидите меня, но кто знает, может быть, через некоторое время...

Он нерешительно посмотрел на Марину, а она ответила пренебрежительным взглядом.

– Может быть, через некоторое время мы обвенчаемся по всем правилам, и хотя перед Богом мы уже муж и жена, мы станем таковыми и перед людьми, – продолжал Маккол. – Но если... если ваша ненависть и с течением времени не утихнет, мы... мы расстанемся, причем вы сможете потребовать от меня всего, чего пожелаете в возмещение причиненного вам ущерба. Клянусь, я это исполню. И даже если вы пожелаете, чтобы я застрелился на ваших глазах... Нет, сейчас я этого не сделаю, – торопливо сказал он, увидав, какой надеждой расцвело вдруг ее лицо, – но потом, скажем, через полгода, когда я уже наверняка найду и покараю убийцу Алистера, я уплачу вам любой штраф, какой вы захотите. Нечего и говорить, – понизил он голос, – что я не прикоснусь к вам в это время, а буду вести себя как почтительный родственник.

Марина молча смотрела на него, размышляла, но ничего не говорила.

– Сегодня 31 января, – продолжил Маккол, – итак, 31 июля я или женюсь на вас по вашей воле, или по вашей воле умру. Ну, вы согласны?

– Да! – в восторге вскричала Марина. – Да, о да!

Жаль, капитан Вильямс этого не слышал.

Едва увидев берег Дувра, покрытый снегом, с высокими башнями, где уже был зажжен огонь для безопасности мореплавателей, Марина почувствовала уже не неприязнь, а интерес к этой неведомой земле.

И вот стоит близ пристани карета, вот идет от нее высокий человек с брудами⁵ чуть ли не до плеч, подает руку Макколу, помогая сойти на берег, кланяется, бормоча:

– Милорд... я счастлив видеть вас, я счастлив... позвольте...

«Ух ты, значит, он и в самом деле лорд?!» – в ужасе подумала Марина.

– Полно, Саймонс, – перебил его Десмонд, с легкостью выскакивая из шляпки. – Я знаю все, что вы можете мне сказать. Да, благодарю. Однако лучше помогите этой леди. Мисс Бахметефф, рекомендую: Саймонс, камердинер моего отца, затем брата, затем... очевидно, мой?

– Я служу только милордам, – на бритом, устрашающе брдастом лице высокого, статного, весьма почтенного и невозмутимого господина (ей-богу, он и сам выглядит как влиятельная персона!) не отразилось ничего, хотя, Марина могла поклясться, он уже отметил вопиющее убожество ее одеяния. Разумеется, сарафан, рубаху и платок не стали выставлять на всеобщее обозрение: Десмонд с помощью совершенно подавленного капитана купил у какой-то пассажирки за баснословные деньги старый-престарый плащ.

– Мисс Бахметефф – моя кузина, племянница покойной матушки. Она поживет у нас некоторое время, – сообщил Десмонд, и Саймонс покорно поклонился Марине. Может быть, у него и были какие-то вопросы, однако он не посмел их задать. Правда, при упоминании леди Маккол его лицо слегка смягчилось, и Марина подумала, что это выдуманное родство может сослужить ей неплохую службу. А вот интересно, какую гримасу скорчил бы этот невозмутимый лакей, узнай он истинный титул «кузины»! Скажи ему Десмонд: «Это – леди Маккол. Кланяйся в ножки, дурак, целуй барыне ручку и говори: ваш раб по гроб жизни моей, токмо милостями вашими жив, век за вас буду Бога молить...» Впрочем, здесь и слов-то таких не знают, она, кажется, забыла, где находится!

– Миледи, – отвесил новый поклон Саймонс. – Какая жалость, что я не знал о вашем прибытии. По позднему прибытию милорда я взял на себя смелость заказать номер в гостинице, однако... это только один номер...

– Ничего, – благодушно проговорил Десмонд, и у Марины подогнулись ноги: а ну как он скажет, мол, нам не привыкать спать в одной постели? Ой, нет... перед этим слугой, таким важным, таким разодетым... – Ничего! У вас будет время заказать еще одну комнату и ужин

---

⁵ Бруды – бакенбарды (устар.).

на двоих: мы с мисс Марион намерены сейчас же проехаться по здешним лавкам, надеюсь, некоторые из них еще открыты... Не так ли, кузина Марион?

И она снова сказала «да».

Ни свет ни заря Марина в новой шляпке, шали, в новом платье, меховой накидке, новых чулочках, ботинках – во всем, короче говоря, новехоньком – сидела у окна дорожной кареты, запряженной восьмеркой лошадей и стремительно летящей по дороге в Лондон. Спала она как убитая, Маккол блюл свое обещание и приличия, а после весьма плотного завтрака они отправились в путь, – и Марина неотрывно глядела в окно, думая о том, как разительно переменялась ее жизнь.

Пожалуй, как ни отвратительно относились к ней дядюшка с тетюшкой, Марине все-таки есть за что их благодарить. Некоторые пункты отцовского завещания они исполняли свято, и до самого последнего времени у Марины были учителя, в том числе мистер Керк, обучавший ее английскому. Управляющий их петербургским домом продолжал покупать и отсылать в имение все новейшие книги и последние газеты. У тетки, конечно, сердце разрывалось от жадности, когда она видела такое количество «впустую» потраченных денег, однако же Марине не запрещалось читать, и только это скрашивало ее унылую, печальную жизнь. Она прочла даже Ла-Портов «Всемирный путешественник, или Познание Старого и Нового света» во всех его двадцати семи томах, причем том про Англию благодаря мистеру Керку был вообще зачитан до дыр. И сейчас ее не оставляло ощущение, что она не впервые видит эти холмы, покрытые темным лесом, и глубокие долины с журчащими ручьями, и вечно смеющееся море, иногда мелькавшее за лесом. Снега не было в помине, сверкало солнце. Великолепная Темза, покрытая кораблями из всех частей света, вела их, подобно проводнику, и еще не стемнело, как впереди, в тумане, они увидели Лондон.

Улицы тесны, множество народу. Везде подле домов маленькие дворiki, устланные дерном, а также сделаны для пешеходов широкие намоcты, и хотя на мостовых везде грязь и пыль, ноги у пешеходов были чисты. Марина не поверила бы, но она своими глазами видела, как какая-то служаночка в синей юбке и чепце мыла намоcт перед домом! Грязная вода стекала в какие-то отверстия, бывшие на каждом шагу... оттуда высунулся косматый человек и погрозил служанке. Приехала телега, и туда стали ссыпать уголь. В другое отверстие сбегал мальчишка с узлом, из третьего валил пар, словно там шла огромная стирка... Похоже было, что при каждом доме имеются такие отверстия – истинные западни для задумавшихся прохожих, которые спешат, заглядываясь на витрины богатых лавок и магазинов, наполненных всякого рода товарами, индийскими и американскими сокровищами, которых запасено тут на несколько лет на всякий вкус. Марина с удовольствием вспомнила, как Десмонд предупредил Саймонса о том, что они задержатся в Лондоне не меньше чем на два дня: мисс Марион придется посетить Бонд-стрит, ибо весь ее багаж украли французские воры. Именно здесь, в этих многочисленных лавках, и приобрели, конечно, свои чудные наряды англичанки, которых Марина видела тут и там. Женщины все как одна показались ей очень хороши; одевались они просто и мило, все без пудры и румян, а их шляпки были, верно, выдуманы грациями. Англичанки, все как одна худощавые, порою даже сухопарые, ходили, как летали: за иною два лакея с трудом успевали бежать. Маленькие ножки, выставясь из-под кисейной юбки, едва касались камней тротуара; на белом корсете развевалась ост-индская шаль (Марина не без ревности рассматривала узоры); на шаль из-под шляпки падали светлые локоны.

По большей части англичанки были белокуры, и Марина подумала, что по сравнению с ними ее русые волосы покажутся даже темными. Почему это ее обеспокоило, Марина не понимала, но пристально вглядывалась в личики, мелькавшие перед ее глазами. Дамы все казались прехорошенькими, элегантными, изысканными – в отличие от джентльменов. Они были

так невозмутимы и молчаливы, что чудилось, будто еще со сна не разгулялись или чрезмерно устали. И все в синих фраках – это был любимый цвет их.

Сумерки сгущались, синие силуэты таяли в вечерней синеве. И вдруг – Марина ахнула – то там, то здесь засветились фонари. Оказалось, что их здесь тысячи, один подле другого, и куда ни глянешь, везде горели фонари, которые вдали казались огненной непрерывной нитью, протянутой в воздухе.

Не сдержав удивления, она всплеснула руками.

– Восхитительно, не правда ли? – послышался негромкий голос за ее плечом. – Несколько лет назад некий прусский принц прибыл в Лондон. В город он въехал ночью, и, видя яркое освещение, подумал, что город иллюминирован для его приезда.

Марина хотела пропустить реплику Десмонда мимо ушей, но вдруг вспомнила, что она за день ему и слова не сказала. Саймонс, небось, уже голову ломает над странными отношениями кузенов. Конечно, делает скидку для русской дикости. Ну и черт с ним! Ну и пусть думает, что хочет!

Так ничего и не сказав, она снова уткнулась в окно, однако карета уже остановилась перед отелем, и разглядывать сегодня Марине было нечего.

Следующие два дня и впрямь увенчались оргией покупок, и к концу второго Марина утратила счет вышитым ридикюлям, замшевым, кисейным, лайковым и шелковым перчаткам, шелковым и кожаным туфелькам, ажурным чулочкам, батистовым сорочкам, соломенным, фетровым, атласным, бархатным и кружевным шляпкам и чепцам, косынкам, платкам и шарфам, корсетам, амазонкам, нижним юбкам, пелеринам, панталонам, пеньюарам, жакетикам, платьям... о господи, всего этого не перечесть, не запомнить! Ничего. Она постарается. Постарается. Главное, что до 31 июля осталось уже на четыре дня меньше!

Глава VIII

Родственники и родственницы

Они двигались на запад, и дыхание моря становилось все ощутимее.

Январь, январь на дворе, приходилось постоянно напоминать Марине, когда она глядела на свежую зеленую траву, в которой там и сям вспыхивали под солнцем журчащие ручейки: в них превратился мимолетно выпавший снежок. Деревья, кроме сосен, стояли голые, однако же среди них виднелся кустарник с жесткими темно-зелеными листьями, много было можжевельника, усыпанного лиловыми шишечками-ягодками, и все это придавало округе вид праздничный и нарядный.

Дороги были необыкновенно хороши: или мощенные камнем, или так плотно катанные, что не страшна им была никакая грязь и ростепель. Марина вспомнила, каково будет в марте-апреле в России, где дорог не существовало и малейший дождь делал пути непроезжими. Бахметев превращалось в такую пору в островок, отрезанный от всего мира, и жизнь казалась вовсе безысходной... нет, не стоит даже думать об этом!

Близ дороги виднелись сады, огороды, жилища. Марина смотрела во все глаза. Ее очаровали сельские домики с соломенными крышами, оплетенные розами и плющом до самой кровли и густо осененные деревьями. Конечно, розы еще не цвели, а все же зрелище было очаровательное!

Постепенно дома делались внушительнее. У них были красные черепичные крыши, и люди, стоявшие на крылечках, казались одетыми лучше, чем простые селяне. Они приветливо махали проезжающей карете, и Марина заметила, что Десмонд иногда машет в ответ.

«Какие приветливые здесь люди, – подумала она, не удержавшись, чтобы, в свою очередь, не помахать очаровательной девчужке с волосами, как белейший лен, которая припустила к карете, что-то весело крича. – А этот-то... кузен... небось возомнил, что они в его честь здесь повыстроились. Ну в точности тот немецкий принц, который вообразил, что фонари в его честь горят!»

– Мы уже близко, – вдруг обратился к ней кузен, и Марина вздрогнула от неожиданности: тот заговорил по-русски. Очевидно, чтобы не понял Саймонс, скромно притулившись на боковом сиденье. – Просить вас хорошо себя вести с мой дядюшка, тетучка и мой слуги. Понимайте?

– Понимайте, – обреченно кивнула Марина. – Значит, и у вас тоже имеется «дядюшка» и «тетучка»? Никакого от них спасения! О господи, ну не могла я, что ли, попасть к другому лорду, сироте круглому?!

Десмонд воззрился вопросительно, и Марина поняла, что сказанное ею – за пределами его понимания.

– Так и быть, – отмахнулась она. – Назвался груздем – полезай в кузов. Стерплю и тетучка, и дядюшка твои... но ты уже попомнишь все это!

– О, yes, – пробормотал Десмонд, и Саймонс, напряженно вслушивавшийся в непонятную речь, облегченно вздохнул, услышав знакомое слово.

– Арендаторы все с нетерпением ждут приезда вашей светлости! – Он сделал широкий жест к окнам, и Марина воззрилась на машущих людей с изумлением: никак они и вправду приветствуют фальшивого лорда? Неужто он не врал, и это все – его земля? И эти леса, и чудное озеро, блеснувшее за частоколом елей, словно загадочный взор из-под ресниц, и эта звенящая тишина, и пенье птиц, и высоченные кованые ворота, и тенистая дубовая аллея, за которой красовалось великолепное строение, окруженное зеленым ковром изящного газона?!

Запыленная карета, влекомая разгоряченными лошадьми, описав круг, остановилась у высокого крыльца. Вышел Саймонс, затем Десмонд подал руку Марине. Она сошла, как во сне, не видя куда ступает, видя лишь купол, венчающий фасад, а за ним – башни, поднимающиеся до высоты огромных деревьев, освещенных заходящим солнцем.

На крыльцо высыпали люди.

Мелькали алые с позолотою ливреи – это кланялись бесчисленные лакеи, причем голову каждого венчал белый паричок. Затем заколыхались, ныряя в реверансах, черные платья горничных.

Десмонд улыбался, смеялся, пожимая руки, что-то быстро говорил, щипал за тугие щеки девушек... Марина глядела разиня рот. Да ведь она никогда не предполагала, что он умеет улыбаться! А они все воспринимают это как должное, и девицы не смущаются, когда он с ними поигрывает взорами. Она-то полагала англичан людьми сдержанными! Впрочем, это представление ее уже не раз рушилось – верно, будет рушиться и впредь.

– О, Агнесс! – воскликнул вдруг Десмонд, оборачиваясь к девушке, стоящей поодаль. Это была красивая, яркая брюнетка. – И ты здесь! Я-то думал, что застаю тебя уже замужем!

– Как милорд мог подумать такое, – не поднимая глаз, прошептала Агнесс, и каждое слово ее сделалось слышно благодаря полной тишине, внезапно установившейся вокруг. Все взоры были устремлены на них двоих, и Марина вдруг поняла, что присутствующим до смерти любопытно услышать каждое слово из этого разговора.

– Ну, не прибедняйся, Агнесс! – Десмонд приподнял за подбородок опущенное личико. – Я-то помню, скольким парням ты вскружила головы!

– Быть может, милорд помнит, что мне никто не был по сердцу... – Агнесс приоткрыла губы, переведя дыхание, – кроме... – Она больше ничего не сказала, только вскинула свои яркие глаза, но по толпе слуг пронесся вздох, словно все услышали невысказанное.

«Она хотела сказать: «Кроме вас!» – вдруг поняла Марина. – Да она же влюблена в него! Она от него без ума!»

Грудь Агнесс вздымалась так часто, что Десмонд не мог не обратить на это внимания. Глаза его сползли от влажных, манящих глаз к пухлым приоткрытым губкам, потом к свежей шее, потом с видимым интересом уперлись в эту неистово колышущуюся грудь, словно Десмонд всерьез задумался: выдержит черное платье этот напор или порвется?

А Марина вдруг почувствовала, что задыхается от возмущения. Пусть Маккол и не солгал, что владеет замком, но все-таки он никакой не лорд, ибо настоящий лорд никогда не позволит себе так заглядеться на горничную. Надо это прекратить. Он выставляет себя посмешищем, и если ему на это наплевать, то его «кузина» не желает выглядеть дура душой!

Она уже двинулась вперед, чтобы приблизиться к Десмонду и тычком поувесистее неприметно привести его в чувство, как вдруг на крыльце показалась какая-то белая фигура, и Марина замерла на полушаге, с воздетой рукой, ибо перед нею было самое странное существо на свете.

Серебристое парчовое платье так сверкало под солнцем, что слепило глаза, однако все же нельзя было не заметить, что кое-где оно протерлось, и прорехи не зашиты, и оборвалась отделка, и обтрепалось жесткое кружево, и вообще – платье кое-как напялено и даже не застегнуто на спине, прикрытой длинными лохмами полуседых волос и рваной, замусоленной фатой. Придерживая сухой, как бы цыплячьей лапкою те жалкие остатки, в которые время превратило веночек из флердоранжа, едва сидевший на ее растрепанной гриве, эта жуткая невеста простерла дрожащую ручонку и пропищала дребезжащим, но довольно пронзительным голоском:

– Брайан! О мой ненаглядный Брайан! Наконец-то ты вернулся ко мне!

И чучело в фате прямоиком кинулось на шею Десмонду, который, против Маринино ожидания, не грянулся оземь, где стоял, не кинулся прочь, вопя от ужаса, а весьма нежно сжал сухие лапки, цеплявшиеся за него, и сказал так ласково и тихо, словно утешал плачущее дитя:

– Нет, нет, дорогая Урсула, я не Брайан, увы. Посмотри на меня – и ты увидишь, что я не Брайан.

– Не Брайан? Нет? – пролепетало странное существо.

Залитые слезами глаза в набухших морщинистых веках трогательно уставились на молодого человека – и вдруг улыбка взошла на сухие, дрожащие уста:

– Нет, ты... Десмонд! Ты в самом деле мой маленький Десмонд! И ты вернулся!

– Ну конечно, я вернулся, Урсула. Как же я мог не вернуться к лучшей тетушке на свете! – И он так звучно расцеловал сухие, пергаментные щечки, покрытые толстым слоем румян, что старая дама засмеялась от радости. Смех ее напомнил звон колокольчиков, и Марина вдруг с ужасом поняла, что и у нее глаза наполняются слезами. Впрочем, они всегда были на мокром месте, а где уж удержаться при такой чувствительной сцене!

«Это и есть «тетучка», – поняла Марина. – Ну что ж, она хоть и спятила, но довольно мила. Немудрено, впрочем, спятить при таком племяннике! А «дядюшка», надо думать, тоже не в себе?»

Вышеназванный не заставил себя ждать. С возгласом:

– погоди, Урсула, погоди! – на крыльцо выскочил высокий сухощавый джентльмен и замер, увидев улыбку Десмонда и услышав смех старой дамы.

– Так ты приехал! – всплеснул он руками.

– Разумеется, – пожал плечами Десмонд, и нежная улыбка, с какой он смотрел на тетушку, уступила место довольно-таки ехидной. – Очень рад видеть тебя, Джаспер.

«Не похоже», – подумала Марина.

Впрочем, не похоже было, что и «дядюшка» рад племяннику...

Джасперу Макколу было на вид около пятидесяти лет. Сухой, как жердь, лицо какое-то желтое, отсутствующий, плывущий взор очень светлых глаз, небрежно уложенные полуседые волосы, но все еще довольно красив. Портит его только подбородок – мягкий, слабый, почти срезанный. У Десмонда вон какой воинственный подбородок! И на нем ямочка...

– Десмонд! – новое восклицание заставило Марину вздрогнуть и разогнало напряжение, воцарившееся, пока дядюшка и племянник молча мерили друг друга неприязненными взглядами.

Девушка с темно-каштановыми волосами сбежала с крыльца. Она была необыкновенно изящна и миниатюрна вся, от тщательно уложенных локонов до кончиков пальцев прелестных рук, протянутых к Десмонду. На одном из пальцев сверкал изумительный бриллиант. У нее были огромные голубые глаза, точеные черты, зовущий рот; пурпурная шаль, красиво задрапированная вокруг стана, бросала теплый розовый отсвет на ее лилейные щеки. Она была красива... очень красива, безусловно красива, и при взгляде на черное кружево и черный атлас ее платья, которые потрясая контрастировали с яркостью лица, Марина ощутила себя простушкой в своем новеньком муаровом платьице соломенного цвета, покрытом испанским кружевом, с гирляндой фиалок на подоле. Как это его угораздило так измяться? Просто тряпка... бесцветная тряпка! А ведь это платье еще утром казалось ей восхитительным, и Марина вполне вошла в образ красивой, кокетливой, богатой кузины, увенчанной молодостью и нарядами! Теперь она обнаружила, что смотрит на незнакомку с тем же испуганно-завистливым выражением, с каким смотрели все остальные женщины, от старушки Урсулы до горничных. В том числе Агнесс, которая так теребила свой наглаженный и накрахмаленный передник, что совершенно измяла его. И глаза смуглой горничной наполнились слезами, когда незнакомка вдруг оказалась в объятиях Десмонда.

Девушка едва доставала ему до середины груди, и Марина ощутила себя не только невзрачной, плохо одетой простушкой с тусклыми русыми волосами, но и верстой коломенской к тому же. Ей почему-то захотелось плакать...

Кстати сказать, красавица уже плакала!

– Джессика, – пробормотал Десмонд, обнимая хрупкие плечи, обтянутые сверкающим шелком. – Я не ждал увидеть тебя здесь...

Она рыдала, ничего не говоря, и деликатный Саймонс, словно заботливый пастух, погнал в дом прислугу, всюю глазевшую на господ.

– Ты приехала встретить меня, Джессика? Как мило, – продолжал бормотать Десмонд, и Марина подумала, что никогда еще не видела его столь озадаченным.

– Джессика теперь живет у нас, – пояснил Джаспер. – Дом ее сгорел, миссис и мистер Ричардсон погибли при пожаре, ну и...

– Бог ты мой! – перебил Десмонд. – Какое несчастье! И какое счастье, что ты осталась жива! Тебя в это время не было дома?

Джессика кивнула, и это движение заставило ее прижаться к Десмонду еще крепче.

– Джессика в это время была у нас, – возвестил Джаспер, очевидно, взявший на себя роль истолкователя и переводчика невысказанного. – Они с Алистером в этот день намеревались объявить о помолвке, но примчался верховой и сообщил, что Ричардсон-холл сгорел... А на завтра погиб Алистер.

– Алистер... о мой Алистер! – глухо выкрикнула Джессика, с такой силой цепляясь за плечи Десмонда, что ее тонкие пальцы побелели.

– Какой кошмар! – выдохнул Десмонд. – Да, я вижу... кольцо у тебя на пальце. Семейное кольцо леди Маккол...

Он побледнел, и в глазах его появилось такое растерянное выражение, что Марина пожалела бы его, если бы могла пожалеть такого злодея.

– Так ты была невестой Алистера?! Я не знал. Мы всегда любили тебя как сестру... Алистер – как младшую, я – как старшую.

«Ему двадцать пять, а брату, он, помнится, обмолвился, было тридцать. Значит, ей не меньше двадцати шести – двадцати восьми. А то и больше! – с острым чувством превосходства подумала Марина, которой в сентябре должно было исполниться двадцать. – Старая дева, бедняжка. Бездарная старая дева! И теперь ясно, почему на ней черное платье: траур».

Теперь она могла с искренним сочувствием смотреть на узкие плечики, дрожащие от рыданий под ладонями Десмонда.

– Мы любили друг друга, а потом он покинул меня! Он умер! – вдруг вскричала Джессика, отстраняясь и заламывая руки. Лицо ее было сплошь залито слезами, и все равно, даже сейчас она была такая красавица, что у Марины, знавшей, как безобразно у нее опухают веки и краснеет нос от малейшей слезинки, снова защемило сердце. На сей раз от чувства, вполне объяснимого: от зависти.

– Алистер! Мой ненаглядный Алистер! – рыдая, Джессика бросилась в дом – верно, в полном отчаянии.

И вдруг Урсула, доселе стоящая недвижимо, как статуя, заломила руки – в точности как Джессика! – и, воскликнув с тем же отчаянием:

– Брайан! Мой ненаглядный Брайан! – тоже кинулась во всю прыть в замок, но остановилась на крыльце, согнувшись, закрыв лицо руками.

Некоторое мгновение Десмонд и Джаспер тупо смотрели вслед, потом переглянулись. Десмонд шагнул было к Урсуле, но дядюшка махнул рукой, и племянник послушно остался на месте.

– Она сейчас успокоится, – шепнул Джаспер. – К этому надо привыкнуть. Утешать ее бесполезно, все проходит само.

– Она очень постарела, – едва шевеля губами, стараясь, чтобы не слышала Урсула, сказал Десмонд.

– Еще бы! – пожал плечами Джаспер. – Неудивительно! Она не может забыть Брайана, а тут смерть Алистера – и хоть не в день свадьбы, но все же накануне помолвки. Это всех потрясло.

– Да, – устало сказал Десмонд. – Теперь мне понятен несколько... э-э... взвинченный тон твоего письма. Иметь дело с двумя покинутыми невестами – представляю!

– Пока не представляешь, – покачал головой Джаспер. – Зато теперь представишь, потому что это отныне – твои заботы. Хоть за это я благодарю Бога!

Нотка с трудом сдерживаемой ярости прозвенела в его голосе, и Десмонд бросил на дядюшку острый взгляд.

– Вот даже как? Значит, все по-прежнему? – спросил он с расстановкой. – Ты ненавидел Алистера, теперь ненавидишь меня? Но ведь ни он, ни я не повинны в том, что дед завещал, чтобы после смерти моего отца Маккол-кастл перешел к его сыновьям, минуя тебя?

– Это против всех правил, – глухо пробормотал Джаспер, понурясь. – Против закона, чести, совести! Старик ненавидел меня за то, что я один осмеливался с ним спорить! Твой отец слова поперек не решался сказать, хоть и ненавидел его так же, как и я. Но он был хитер, оттого и слыл любимчиком, в то время как я...

– Ты уехал, – мягко проговорил Десмонд. – Я знаю, что ты уехал, ты путешествовал, они считали тебя погибшим. А когда ты вернулся...

– Можешь не рассказывать мне о том, что я сделал! – взвизгнул Джаспер, вскинув голову, и Марину поразила неподвижность его черт и опустошенность взора, хотя в этой тщедушной груди, чудилось, бушевали неистовые страсти. – И вообще – хватит обо мне!

– Прости, – пробормотал Десмонд. – Прости меня, я не хотел...

– Ничего, – тяжело дыша, молвил Джаспер. – Ничего, я сам виноват. А письмо мое... да, я был болен, когда писал его.

– Малярия снова? – сочувственно спросил Десмонд, и Марине показалось, что он очень жалеет этого своего странного дядюшку.

– Малярия всегда, – усмехнулся Джаспер. – Но я привык, хотя в последнее время приступ следовал за приступом. Джессика ухаживала за мной. Вообще, надо сказать, что весь дом держался на Джессике. Ну и Саймонс, конечно, стоял, как скала.

– Саймонс, о да! – вздохнул Десмонд. – Он все такой же! По-прежнему вынюхивает ведьм?

Марина, услышав такое, от неожиданности даже выронила ридикюль.

На ее невольное движение обернулись и дядя, и племянник и уставились на нее с выражением одинаковой озадаченности: будто на незваную гостью.

– Простите, сударыня, не имею чести... – нетвердо начал Джаспер.

– Боже праведный! – Десмонд звонко хлопнул себя по лбу. – Да ведь я совсем забыл! Это же моя... – Его заминка была почти неощутима, но у Марины вдруг неистово забилося сердце: сейчас он скажет: «Моя жена, леди Маккол!» Что будет?! – Моя русская кузина, племянница покойной матушки. Ее зовут мисс Бахметефф, мисс Марион Бахметефф!

Светлые брови Джаспера так и взлетели.

– Племянница Елены?! – нетвердо повторил он. – Но...

Истощенный вопль перебил его – такой вопль, что все вздрогнули, будто пронзенные молнией, и резко обернулись к крыльцу.

– Элинор! О боже! Леди Элинор! – кричала Урсула, которую с трудом удерживала перепуганная Джессика. – Она явилась! Это она – во плоти!

И, оттолкнув Джессику, старая дама кинулась к Марине и рухнула перед ней на колени с тем же усердием, с каким «Марьяшка» некогда кланялась своему «доброму барину»:

– Проклятие Макколов будет снято! Она спасет нас! Леди Элинор... о, наконец-то!

Урсула закрыла лицо руками, смеясь и плача.

Джессика и Джаспер подхватили ее с двух сторон и повлекли в дом. Урсула не противилась: внезапный взрыв эмоций лишил ее сил.

Десмонд подобрал свалившееся с ее головы жалкое подобие фаты и заспешил следом.

Марина опять оставалась одна и опять – дура дурой.

– Я ничего не понимаю! – возвала она жалобно. – Кто такая леди Элинор?!

– Семейное привидение! – буркнул Десмонд, оглянувшись. – Вернее, одно из них! Так что добро пожаловать в Маккол-кастл!

Глава IX

Первое знакомство с Брауни

Макколы были родом из Шотландии, поэтому носили шотландское имя, а замок их звался castle. Впрочем, покинули они землю предков так давно, что утратили со своим шотландским прошлым всякую связь и сделались истинными англичанами. Суровый замок, выстроенный суровыми первыми Макколами наподобие шотландских твердынь, был впоследствии перестроен и теперь больше очаровывал, чем устрашал. Однако привидение леди Элинор издавна прижилось в замке, и никакие позднейшие перестройки не могли его спугнуть. Призрак появлялся грозowymi ночами в виде женщины в белом платье с черной вуалью. Легко, невесомо пробежавшись по коридорам, она с высоты башни, в которой ее содержал жестокосердный супруг и где ее настигла смерть, смотрела на пейзаж, расстилавшийся вокруг, а потом исчезала.

– А чего она хочет? – спросила Марина.

Никто ей не ответил: разговор происходил за ужином, и все делали вид, будто слишком заняты едой. Не ответила и Урсула, которая поведала Марине о призраке: два гневных взгляда, брошенных с противоположных концов огромного дубового стола, обильно заставленного снедью, заставили ее наконец-то замолчать и взяться за ростбиф... а может, ныне подавали бифстек, Марина еще не научилась различать. Это была обычная пища англичан, причем на столе не было ни огурчиков соленых, ни квашеной капусты, ни другой зелени – верно, англичане ее вовсе не любили.

Во главе стола восседал лорд Маккол – Десмонд; на противоположном конце – его дядюшка, на которого Марион посматривала с опасливым интересом: ведь он оказался в таком же положении, как ее злобный дядюшка. Марина хорошо знала, сколь далеко может довести людей жажда богатства. Внешне Джаспер казался подернутым желтоватым пеплом, но судя по взглядам, бросаемым исподлобья, в сердце его далеко не угасли пожары! Только на леди Урсулу смотрел он с нескрываемой нежностью и в то же время с тревогой, как если бы опасался, что она может сказать что-то лишнее. Впрочем, без всего, о чем бормотала леди Урсула, вполне можно было обойтись: так, полубезумный бред, изредка прерываемый пением:

Вижу лес, чудный лес,
Где бродили мы с милым.
Обнимал он меня,
А потом вдруг исчез...
Ах, куда же он сгинул?

Заслышав дребезжащий голосок, все сидящие за столом на мгновение умолкали, а потом с новым оживлением принимались болтать. Десмонд рассказывал о своем путешествии. Он был поражен тем, сколько народу жило в России.

– Там есть народы – язычники, не имеющие никакого правительства, однако, когда им взбредет в голову, они подчиняются великой русской императрице. Некоторые из них поклоняются какой-нибудь вещи, а другие приносят в жертву какое-нибудь животное у подножия дерева, которое чтит их род. Это совершенно необыкновенная страна! – говорил Десмонд, и все так и ахали вокруг, причем Джаспер сообщил, что Индия и Китай – тоже огромные страны, и в них тоже живут идолопоклонники.

Марина сидела с приклеенной улыбкой. Велико было искушение осадить Десмонда и поведать об истовом русском православии, однако не хотелось заводить за столом. Уговор дороже денег, а они с Десмондом уговорились соблюдать мир. Вдобавок, напротив, испод-

тишка поглядывая на Марину, сидела Джессика – красивая, изящная, сдержанно-приветливая, – и Марине не хотелось выглядеть в ее глазах склочной бабой. Тем более что глаза у Джессики были не только необычайно красивые (огромные, голубые, может быть, слишком светлые при этих темно-каштановых волосах, окаймленные чудесными, длинными ресницами), но к тому же и весьма проницательные. Во всяком случае, когда она устремляла взгляд на Марину, той казалось, будто Джессика своими тоненькими беленькими пальчиками ощупывает ее мысли. И, казалось, она видит, что платье Марины не просто новое, но с иголочки, только что купленное. Под этим взором Марина чудилась себе вообще впервые одетой... строго говоря, почти так оно и было, потому что нельзя же считать одеждой то тряпье, которое она носила прежде!

Словом, Джессика мерила Марину взором, та сидела как на иголках, Десмонд с преувеличенным оживлением болтал, Джаспер с преувеличенным вниманием слушал, Урсула чуть слышно напевала, Саймонс стоял в сторонке, острыми взглядами и короткими жестами команду лакеями, которые подавали все новые и новые блюда и уносили их почти нетронутыми, – таким был этот ужин, и, похоже, все вздохнули не без облегчения, когда он завершился. Однако когда Джессика, Марина и Урсула встали, мужчины остались за столом и взялись за портвейн. Оказывается, у англичан был такой обычай: дамы уходят, а джентльмены остаются за столом и выпивают.

Будь Марина женой Десмонда, ей бы не понравился этот обычай. Но она не жена ему... Марина задумалась и даже не сразу расслышала вопрос Джессики о том, надолго ли мисс Марион прибыла в Англию.

Прошло несколько секунд, прежде чем Марина вспомнила, кто такая мисс Марион. Относительно намерений этой выдуманной особы она ничего не знала, а про себя ответила честно:

– До 31 июля.

– Так точно? – холодно улыбнулась Джессика. – Но почему не до 30? Или не до 1 августа?

Марина пожала плечами. Не скажешь ведь этой милой девушке: «В этот день лорд Маккол покончит с собой!» Поэтому она ответила весьма неопределенно:

– Мы так уговорились с Десмондом.

– Прекрасно, – проговорила Джессика, причем лицо ее отчетливо сказало: «Кошмар, что так долго!» – Вы увидите нашу весну, и лето... здесь чудесно, когда распускаются цветы! Ветер с моря утихает, и мы наслаждаемся теплом и солнцем. Англия – страна дождей и туманов, однако Маккол-кастл расположен в особенном месте. В округе идет дождь, а здесь светит солнце.

– Верно, Бог вас любит, – вежливо вставила Марина.

– Конечно, он не может не любить столь красивое создание рук своих, как этот уголок, – кивнула Джессика. – А что до любви к обитателям замка... – Она зябко поежилась. – Иной раз мне кажется, что над ними и впрямь тяготеет проклятье, и неизвестно, развеется ли оно когда-нибудь.

Урсула, чудилось, дремавшая в кресле у камина, встрепенулась и воздела сухой палец.

– Леди Элинор! – задребезжал ее голосок. – Все дело в леди Элинор! Она вернулась – и проклятие будет снято!

– Конечно, тетушка Урсула, – проворковала Джессика. – Леди Элинор нам непременно поможет!

Урсула откинула голову на спинку кресла. Глаза ее были закрыты, она дышала глубоко, ровно... похоже, опять заснула.

– Не обращайтесь внимания, – шепнула Джессика. – Из-за этой леди Элинор было много неприятностей, поэтому понятна надежда, будто ее возвращение все исправит. А вы ведь видели портрет. В вас и впрямь есть что-то общее: эти волосы, и глаза, и улыбка... Конечно,

не укажи на это Урсула, я бы ничего не заметила: все-таки портрет очень старый, да и леди Элинон была такая красавица...

«А на вас просто смотреть противно», – закончила мысленно Марина.

Ощувив, как можно истолковать ее слова, Джессика так и вспыхнула:

– О, ради бога, не подумайте... Такая бестактность с моей стороны! Я только хотела сказать, что у леди Элинон совсем другой тип, в ней есть что-то величественное, в то время как вы...

«Простушка и деревенщина», – с новым приступом обиды продолжила про себя Марина.

Чувствуя, что окончательно испортила дело, Джессика махнула рукой:

– Простите меня, Марион, и не обращайтесь внимания. Я изрядно одичала в этом замке, среди этих полубезумных стариков и своих печальных воспоминаний!

– Да... вам бы уехать, развеяться, – вмиг забыв обиду и исполняясь сочувствия, шепнула Марина.

– Конечно... уехать, – рассеянно повторила Джессика. – Но... Видите ли, мне и правда некуда пойти: ни дома, ни родни у меня нет. Макколов же я знаю с детства: прежний лорд дружил с моим отцом, хотя, конечно, разница в положении... – Она деликатно поджала губы. – И все-таки для всех разумелось само собой, что рано или поздно мы с Алистером поженимся. Я смотрела на Маккол-кастл как на свой дом, на Десмонда – как на брата, на его родных – как на своих родных. И теперь я и не могу это покинуть. Я люблю здесь все и вся. Приданого у меня нет, кто возьмет меня замуж? Жить мне тоже не на что. Даже думать боюсь, что со мною станется, когда Десмонд вздумает жениться. Едва ли его жена захочет терпеть бедную родственницу!

Очевидно, нечистая совесть Марины была причиной того, что ей почудилось некое напряжение в глубине прозрачных глаз Джессики.

– Едва ли вы засидитесь в девках или приживалках, – сказала Марина резковато. – Вы слишком уж красивы. Думаю, немало найдется мужчин, которые возьмут вас и бесприданницей!

Глаза Джессики налились слезами, и пламя свечей задрожало, заиграло, засверкало, отражаясь в этих дивных голубых озерах.

– Вы так добры, Марион, – сдавленно прошептала Джессика. – Дай вам Бог счастья.

Она опустила голову, утирая глаза, а Марина вдруг подумала, как все отлично устроилось бы, вернись Десмонд домой один. Он мог бы жениться на Джессике, не свяжи себя узами безумного корабельного брака! А может быть, после 31 июля оставить Десмонда в живых? Уехать в Россию, передав его Джессике?

Сознание, что счастье милой, красивой, печальной девушки зависит от нее, на миг оцепенило Марину. Но еще вопрос, сможет ли Джессика забыть Алистера и полюбить Десмонда. И как насчет его самого?... Да боже мой! Разве Десмонд способен на чувства? У него во всем расчет! Обладая таким немалым состоянием, он все же решился на преступление, чтобы прибрать к рукам бахметевские богатства. Нет, бесприданницу он за себя не возьмет. Небось надеется, что за полгода Марина влюбится в него и захочет остаться его женой? Бесчисленные наряды – первая попытка улестить ее. Но ничего у него не выйдет! И воображение нарисовало дивную картину: 31 июля Марина приговаривает Десмонда к смерти, и он уже подносит пистолет к виску (в точности как там, в каюте, тыкал этим пистолетом ей в голову!), а она в последнюю минуту говорит:

– Так и быть, я сохраню вам жизнь, если вы женитесь на Джессике.

– Нет! – страстно воскликнул Десмонд. – Никакую другую женщину я не смогу назвать своей женой, кроме вас, Марион!

Грохот выстрела заглушил его последние слова... и Марина подскочила в кресле, испуганно вытаращившись на Десмонда, который наклонился над ней.

– Да вы совсем спите, кузина Марион! – усмехнулся он. – И впрямь, день был на редкость тяжел!

– Но... выстрел? – пробормотала Марина, еще не вполне проснувшись. – Я слышала выстрел!

– Пока никто не застрелился, – процедил Десмонд, и улыбка в его глазах растаяла. – Это просто хлопнула дверь.

Она растерянно кивнула, озираясь и чувствуя себя ужасно неловко. Кресло у камина было пустым.

– А где леди Урсула?

– Ее увел Джаспер, – сказала Джессика. – А я провожу вас. В первый раз в замке очень просто заблудиться.

Марина схватилась за ее руку, как утопающий хватается за соломинку, но на пороге все-таки не удержалась – обернулась.

Десмонд пошевелил дрова в камине, поднял голову и посмотрел ей вслед. Лицо его так и горело от жара, но глаза были по-прежнему ледяными, а губы презрительно искривлены.

Ей-богу, ну никогда не поверит Марина, будто сны могут иметь хоть что-то общее с действительностью!

* * *

Как бы в отместку за такие мысли, сон теперь летел от нее, и Марина долго ворочалась в постели. Наконец, не выдержав, она поднялась, зажгла от ночника трехсвечник и принялась ходить по своей комнате, разглядывая то изящную мебель, то ковер на полу, то воздевая свечи к потолку и восхищенно озирая его роспись. Потолок был выгнут куполом, и на нем Эвр летел с востока и гнал с неба звезду утреннюю; Австер, окруженный тучами и молниями, лил воду; Зефир бросал цветы на землю; Борей, размахивая драконовыми крыльями, сыпал снег и град... Впрочем, при свечах ничего толком видно не было. Марина погасила их и уныло побрела в постель, чувствуя, что сна – ни в одном глазу и опять придется крутиться с боку на бок, как вдруг увидела, что сквозь щелку меж штор пробился дымный голубой луч.

Отдернув шторы, Марина ахнула от восторга, увидев, что лесистая долина, расстилающаяся под ее окном, сплошь залита бледно-голубым светом.

Нежные и таинственные очертания замка темнели в серебряной воде озера, словно луна высветила подводное жилище русалок или тех обитательниц леса, которых здесь называли феями. Да, это тихое место было проникнуто странной поэзией, оживающей с наступлением ночи, и наверняка его часто посещали легкие тени фей, эльфов... и призраков.

Марина зябко передернула плечами. Урсула нынче за ужином рассказала, что кроме леди Элинор здесь бывает еще какой-то старик с деревянной ногой, который изредка появляется из темноты в разгар оживленной беседы, словно спрашивает: «О чем вы говорите?» Потом призрак исчезает, но весь остаток вечера слышится звук его шагов по каменным лестницам и журчанье ветра. Самое ужасное, что иногда деревянная нога гуляет сама по себе, без хозяина, но в сопровождении черного кота!.. Был еще какой-то юноша – вместе с порывом резкого сквозняка, которые иногда ни с того ни с сего пронизывали замок, он пробежал по коридорам, добежал до крайней башни, возвышавшейся над долиной, и, испустив страшный крик, исчезал.

Марина стояла у окна, глядела на луну и думала, верить или не верить Урсулиным рассказам. Никто из сидящих за столом их не поддержал, но и не опроверг. Пожалуй, лучше всего сразу засыпать ночью, крепко запершись и задернув шторы. А ну как вон из того леса сейчас выбежит...

Черные заросли, окаймлявшие поляну, дрогнули, и какой-то темный клуб выкатился на посеребренную лунной траву, закружился волчком и вдруг сделался коротеньким мохнатым

существом, напоминавшим медвежонка. Только медвежонок этот весьма бойко бегал на задних лапах, прихлопывая передними.

«Накликала!»

Марина перестала дышать от ужаса. В это мгновение существо обернулось к замку и, верно, заметило в светлом окне темное пятно Маринино лица, потому что приветливо замало верхними лапками и пустилось через поляну к замку, как бы желая незамедлительно очутиться рядом с ней.

Внезапный порыв резкого ветра просвистел через замок и стих. Марина испустила вопль: ей послышались шаги над головой, словно кто-то стремительно пробежал по куполу. Не помня себя от страха, она рванула дверь, выскочила в темный коридор и пустилась бежать, пока всем телом не ударилась во что-то, заградившее ей путь.

Голос пропал, Марина хрипло взвизгнула, и вдруг чьи-то руки схватили ее за плечи, ощутимо тряхнули... но еще большее потрясение на нее произвел звук раздраженного голоса:

– Что с вами? Вы с ума сошли?! Да успокойтесь же, я не призрак.

Десмонд! О господи, это Десмонд!

Страх вмиг оставил Марину, однако вместе со страхом ушли все силы, и она, едва живая, припала к плечу Десмонда, чувствуя несказанный покой оттого, что стоит, прижавшись к нему, а он обнимает ее.

– Что? – тихонько спросил он. – Что с вами?

Раздражение ушло из его голоса, и Марине казалось, что ему можно сказать все на свете.

– Там, на полянке... – она всхлипнула. – Я видела какое-то существо!

– Призрак? – По голосу она поняла, что Десмонд улыбается. – Неужто вы поверили бредням бедняжки Урсулы?!

Не отрываясь от него, Марина покачала головой.

– Нет, это не дама под вуалью, не деревянная нога и не юноша. Это был кто-то коротенький, мохнатый...

– Белый? – уточнил Десмонд. – С рыжими пятнами и зелеными глазами? Ну, так это...

– Не белый, а черный или коричневый! – перебила Марина. – И он приплясывал на задних лапках, и махал, и катался по поляне, как шар.

– Ого! – усмехнулся Десмонд, чуть коснувшись губами ее волос. – Вам повезло. Говорят, увидеть брауни – это нечто вроде домового – на новом месте к счастью.

– Брауни? – переспросила Марина. – Что такое брауни?

Десмонд не отвечал, а она больше не спрашивала. О, как хорошо, как блаженно ей было... век бы так стоять! Марина сонно улыбнулась, и ее дрогнувшие губы ощутили что-то теплое, легко вздрогнувшее. Она, не думая, вновь коснулась губами этого прибежища.

Раздался прерывистый вздох, и объятия, окольцевавшие ее, сжались крепче. Марина переступила, ощутив коленями ноги Десмонда, бедрами – его... Что?!

Она отпрянула, вдруг обнаружив, что Десмонд по пояс обнажен (так она целовала его голое плечо!), а она-то сама – в одной ночной рубаше, которая уже задрана и рука Десмонда лежит на ее обнаженных бедрах. А он... приоткрытые губы сейчас казались не аскетичными, а чувственными, взор затуманился, и лунный луч... предательский лунный луч высветил внушительную выпуклость внизу его бедер.

У Марины вновь подкосились ноги.

– Марион, – выдохнул Десмонд, беря ее руку. – Я...

– Мя-я-у? – отозвалось вопросительное эхо, и Марина отскочила от Десмонда, торопливо одернув рубашу.

Кот! Кот... и сейчас застучит деревянная нога!

Десмонд вздрогнул, словно его пронзило молнией, и испустил невнятное ругательство, глядя на большущего кота – правда, бело-рыжего, а не черного. Он сидел рядом и разглядывал дрожащую пару стеклянно-зелеными сверкающими глазами.

Марина слабо пискнула, вновь обморочно холодея.

– Не бойтесь, – хрипло отозвался Десмонд. – Это тоже не призрак. Это Макбет. – Он прокашлялся, пытаясь овладеть голосом. – Но он еще хуже всякого призрака! Брысь!

Белое существо важно распрямилось, потянулось, причем шерсть его заблестела в лунном луче, словно усыпанная бриллиантами, – и медленно, с достоинством побрело по коридору, с каждым шагом все меньше напоминая кота, а все больше – туманное облако.

Марина прижала к щекам ладони. Руки ее оказались ледяными, а щеки горели. Вспомнив, что было мгновение назад, Марина вся запылала от стыда и с ужасом взглянула на Десмонда.

Он смотрел на нее, как бы собираясь что-то спросить, но под действием ее отчаянного взгляда передернулся, усмехнулся – и со словами:

– Похоже, это не совсем то, о чем мы с вами договаривались, верно, кузина? Коли так, спокойной ночи! – повернулся и ушел за угол.

Послышался стук захлопнувшейся двери. Очевидно, там была комната Десмонда.

Марина прижала руки к сердцу.

Что она наделала! Что она готова была наделать! И он – он тоже был готов, но...

Марина опрометью ринулась к себе, закрыла дверь и бессильно оперлась на нее.

Господи, да что с ней? Он что, этот англичанин, опоил ее чем-то? Тело жаждет его! Всё горит в чреслах, жаждет утоления – сейчас, немедленно. О, если бы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.